

Элеонора Раткевич

Час кроткой воды

Элеонора Генриховна Раткевич

Час кроткой воды

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=48402459

Час кроткой воды:

Аннотация

Два года назад Государев Наставник Тайэ вышел в отставку и вернулся в свой родной город Далэ. Именно там и произошло покушение на его жизнь. Кто мог замыслить убийство?

Следствие ведут настоящие знатоки – сыщики Шан Храмовая Собака, Най Вьун и их стажер-лончак Тье Воробей. Но дело о покушении на убийство оборачивается совсем неожиданной стороной...

Содержание

Пролог	4
Далэ	39
День первый	39
Конец ознакомительного фрагмента.	179

Элеонора Раткевич

Час кроткой воды

Пролог

Время перед сражением меняет свою природу. Оно не течет, оно притворяется замершим – но это обман. Генерал Най Сияющий Клинок знал все уловки времени. Перед сражением оно подобно талой воде: вроде бы ничего не меняется под весенним солнцем, но незаметно для взгляда сосулька подтаивает, и вот уже свисает с нее капля воды – холодная, сияющая. Она словно всегда тут была и всегда будет – но и это обман: капля набухает, тяжелеет, томительно медлит перед тем, как сорваться в последний полет и расплескаться себя. Так тяжелеет, набухая, время перед боем.

Никогда и ни с чем генерал не спутал бы его сияющую тяжесть.

Но сегодня не от него зависит, когда эта тяжесть оборвется вниз. Сегодня не его бой.

Однако в неизбежности его генерал был неколебимо уверен. Неужели кто-то считает иначе?

Похоже, да. Иначе у половины придворных, самое малое, с лиц исчезло бы привычно благодушное выражение. Чего ждут эти люди? Что на престол вступил безгласный телено-

чек? Может, они на это еще и надеются? Ой, зря. Умилительные телятки обычно вырастают в тяжеловесных вспльщивых быков, и престол этому весьма способствует. Не успеешь толком поумиляться – и... и откуда только что взялось! Однако урок не впрок – и чудом выжившие после разногласий с быком вновь и вновь сюсюкают с очередным теленочком.

Любопытно будет поглядеть на тех, кто попробует начать сюсюкать с новым королем. Он ведь не теленочек.

Хотя и не бык.

Он – Крылатый Дракон. Именно такое прозвание с полного согласия августейшего отца дал принцу его наставник.

Даже дети малые знают, что крыльев у драконов нет. Им и не нужны крылья – они летают силой своей магии. Но всегда найдется тот, кто хочет летать иначе – даже среди драконов. Чаще всего это пустое желание, оно оборачивается ничем. Однако чудеса все же иногда случаются – и дракона поднимают в поднебесье крепкие крылья. Блажь? Прихоть? Не всегда и не для всех. Потому что даже магия может не все на свете. И там, где ее сила вынуждена отступить, необычного дракона удержат в полете и принесут к цели крылья – потому что он умеет летать не так, как другие.

Прозвание свое принц получил в двенадцать лет. Теперь он король, и ему шестнадцать. Может, Дракон еще и не заматерел – все-таки годы покуда не те – но уж точно подрос, и крылья наверняка окрепли. И это создание принимают за теленочка?!

Что поделатъ, люди ненаблюдательны и склонны выдавать желаемое за действительное. Даже, как ни странно, при дворе. Совершенно определенно, не менее половины собравшихся придворных готовится сюсюкать. Кое у кого даже губы трубочкой вытянулись. А ведь, казалось бы, опытные царедворцы, зачастую преклонных лет...

Неужели они и в самом деле ждут, что традиционное знакомство со списком реформ пройдет... м-мм... традиционно? Тихо и ничем не примечательно? В исполнении Крылатого Дракона?

Ну-ну...

Нет, понять, откуда возникла настолько дурацкая идея, все-таки можно. Передавая власть сыну, когда тому исполнится дважды или трижды восемь лет, король обычно вручает ему пакет реформ, составленных им за время его царствования. Именно их и оглашает юный король в первые восемь дней после вступления на престол. Но только что завершившееся царствование было успешным. Победа в войне, новые успехи лечебной магии, сплошное благосостояние – откуда бы тут взяться надобности что-то менять?

Однако Най ничуть не обольщался насущной идиллией. И вдобавок слишком хорошо он знал Государева Наставника Тайэ, а значит – в определенной степени и его воспитанника. Он понимал их образ мыслей. И хотя ему неоткуда было знать, что именно собирается учинить вступивший на престол Крылатый Дракон, он был совершенно уверен, что ре-

формы не просто будут, а очень серьезные – это, во-первых. А во-вторых – что готовил их Дракон пусть и под руководством наставника, но – сам.

Придворные переговаривались вполголоса, но генерал их не слышал. Он слышал лишь безмолвие, в котором сияла тяжкая капля времени – и не шушуканью вельмож под силу разрушить подобное прибежище...

За окном отзвучал бой храмовых часов, с последним их ударом дверь в малый тронный зал распахнулась, и безмолвие раскололось на куски.

Время битвы начало свой неизбежный полет – под растерянное «ып» придворных.

Генерал мысленно усмехнулся: юный король отлично знает, как ошарашить противника. Еще не начав сражение, он уже позиционно выиграл куда больше, чем может показаться со стороны. Чего и ждать от воспитанника Тайэ Сокола!

Его юное величество был облачен сообразно случаю. Черный парадный наряд, расшитый золотыми колосьями – символ плодородной земли и богатого урожая. Золотая заколка для волос в форме солнечного диска и жемчужные подвески на шпильках – как символ благодатного дождя. Синие сапожки – символ моря, несущего свои волны к ногам владыки.

Все было бы вполне обычно, вступи Крылатый Дракон в тронный зал один. Но у него был спутник – и какой!

Рядом с королем, бойко перебирая лапками и радостно

притяфкивая, семенил крохотный рыжий собачонок.

Когда-то для мужчины показаться в обществе с подобной лающей муфточкой означало погубить свою репутацию навек. Такой песик подобает разве что женщине – но никак уж не мужчине!

Генерал всегда считал это мнение несусветной глупостью. Мужество зависит от размеров собаки? Да неужели? А вы точно уверены? Надо же, какой простой способ стать самым мужественным – заведи себе собаку побольше, и мигом сделаешься воином из воинов... что – все-таки нет? Ну вот, всегда так...

Более того, генерал всегда любил и уважал маленьких собачек – за их беззаветную храбрость. Легко быть храбрым, когда ты больше всех, а ты попробуй остаться храбрым, когда ты самый маленький – вот где истинная отвага и доблесть!

Генерал был слишком известен своим настоящим, неприговорным бесстрашием, чтобы маленькие собачки могли повредить ему в общественном мнении. Великий воин имеет право на крохотную причуду – разве не так?

Во время последней войны причуда неожиданно обернулась прозорливостью. Именно такие песики лучше любых других собак чуяли яды, простые и магические, никогда не пропускали зараженный участок земли, колодец или живое существо, с виду еще здоровое, но на самом деле уже разносящее смертоносную болезнь. Сколько жизней спасли эти

собачки – и не сосчитать. Теперь уже им дозволено было появляться в мужской компании – герои войны, как-никак.

Но чтобы в тронном зале, в первый день после коронации, рядом с королем... невероятно! Недопустимо!

Когда король ведет себя несообразно, сразу становится видно, что царедворцы делятся на две неравные группы. Одна предпочитает королевских безобразий не замечать. Другая же, обычно меньшая, накидывается на эти безобразия, как муравьи на сахар, надеясь уничтожить их и должным образом внушить его величеству должные понятия о должном поведении, хотя поучать королей – дело обычно небезопасное.

Не замечать безобразие на сей раз не получалось ни у кого, хоть тресни. Юный король, милостиво улыбаясь, шел вдоль выстроившихся в два ряда придворных, их спины одна за другой сгибались в поклоне, головы склонялись, и взгляды неизбежно – один за другим – утыкались в собачку.

Тактика «не замечай ничего» с треском провалилась. Оставалась еще одна – и генералу было очень интересно, кто первым не выдержит и сунется с поучениями.

Король прошел к небольшому возвышению, на котором стоял трон, сел, придвинул небольшой столик с письменным прибором и обвел собравшихся внимательным взглядом.

– Благодарю всех, кто находится в этом зале. Рад видеть вас.

Разумеется, не прийти на Совет или прислать кого-то вме-

сто себя придворные не могли. Традиция определяла, кто именно, в каких чинах и с каким числом помощников от какого ведомства должен присутствовать здесь. И она же повелевала юному королю, тем не менее, благодарить собравшихся за то, что пришли.

– Садитесь же, прошу вас.

И снова традиционная формула.

Что ж – его новоиспеченное величество мил, обаятелен и произносит предписанные обычаем «благодарю» и «прошу», не кривя лица, не преодолевая собственную надменность... нет, определенно кто-то должен выскочить с поучениями, не сможет не выскочить! Ведь юный король так безукоризненно следует предписаниям обычаев... вот только не должно забывать, что традиция – страшное оружие в умелых руках.

А в том, что руки у этого венценосного проходимца умелые, генерал не сомневался ни на миг.

Как и в том, что песик здесь находится никак уж не случайно.

Придворные неспешно, с достоинством усаживались за столики. Все те же обычаи давным-давно определили, где должен обретаться столик военного ведомства, к примеру, где – казначейский, где и вовсе располагается Главный Цензор. Одним словом, торжество этикета и вообще всевозможное благолепие. Если сравнение приискивать – ну ни дать, ни взять залитый солнцем весенний луг: так прекрасна шелковая зелень его травы, прячущая разбросанные по земле же-

лезки-«ежи» и заранее выкопанные и прикрытые слоем дерна ямы.

Генерал всегда дивился – ну откуда берутся наивные создания, готовые даться в обман и поверить в вопиющую невинность луговой травы? Невинности в прифронтовой полосе, а уж тем более вблизи от поля битвы днем с огнем не сыщешь. И все же из войны в войну чья-нибудь кавалерия вылетает на полном скаку в пестрое разнотравье – и атака захлебывается, и победный клич сменяется криками боли и ужаса, истошным ржанием и визгом лошадей – только оттого, что у военачальника не хватило либо ума, либо терпения.

На сей раз ума и терпения не хватило у Министра Церемониала. Именно он – если продолжать сравнение – бросился в кавалерийский наскок по обманчиво мирному лугу. Остальные придворные не знали, как вести себя в присутствии рыжей псинки, и потому благополучно помалкивали. Но ведь в любом собрании найдется тот, кто считает себя умнее других.

– Подданные рады приветствовать ваше величество, – торжественно молвил министр, поднимаясь из-за столика и неспешно сгибаясь в поклоне.

Направление поклона было выбрано явно не случайно. Нет, бесспорно, кланялся Министр Церемониала королю – но таким образом, чтобы его руки оказались поблизости от не предусмотренной протоколом собачки. Вот сейчас он аккуратно поднимет ее и удалит с заседания королевского со-

вета, вот сейчас...

Песик тоненько зарычал и подпрыгнул, тяпнув нахальную министерскую длань за палец.

Вскрикнуть господин министр не успел, а что-нибудь предпринять – тем более. Потому что король нагнулся, подхватил собачку и посадил себе на колени.

– Тише, Апельсинчик, тише, все хорошо... – негромко уговаривал король, глядя рыжую шерстку, – успокойся, никто тебя не заберет отсюда. Ты здесь по праву.

Апельсинчик еще раз тяфкнул – мол, то-то же! – и завозился, устраиваясь поудобнее на монарших коленях.

– П-п-ппрошу меня простить, п-ппо какому праву? – ошарашенно осведомился тяпнутый министр.

– По праву символа нового царствования, – невозмутимо отвечал король, продолжая гладить все еще обиженного Апельсинчика.

Вообще-то царедворец не должен давать волю своим истинным чувствам, а уж выказывать их – тем более. Но неожиданность застала их врасплох, и на сановных лицах мысли их обладателей читались легче легкого. Кто сомневался в своем слухе, кто – в здравости своего ума, а кто – тоже в здравости ума, только не своего, а королевского. Подобного переполоха в чиновном курятнике Най не видывал сроду, да и вряд ли увидит впредь. Оставалось получше запомнить это бесценное мгновение – будет потом что вспоминать!

Сановники пребывали под властью растерянности, и это

нарушало церемониал самым что ни на есть вопиющим образом. Поэтому укушенный вопреки придворной процедуре министр решил любой ценой восстановить благолепие и вновь ринулся очертя голову в кавалерийскую атаку все по той же пересеченной местности.

– Но, ваше величество, – со сдержанной укоризной произнес министр, – какому же девизу царствования может подходить столь неуместный символ?

А ведь у тебя были все шансы отступить, подумал генерал, глядя на него. Отступить, перегруппироваться, вывести из-под удара хоть какие-то силы... была у тебя возможность, была. Но ты ею пренебрег. И сейчас воспоследует катастрофа.

– Девизом нынешнего царствования будет «Исцеление истоков», – с безмятежной кротостью ответил король.

Тишина сделалась такая, что, казалось, прислушайся – и въяве услышишь, как пытаются затаить дыхание перепуганные насмерть мысли в чиновных головах.

Потому что сам по себе Апельсинчик – это всего лишь забавный песик. Но если речь идет об исцелении истоков, сразу делается не до шуток. Дело не в мелких неприятностях, нет. Беда – истинная, тяжкая, глубинная. Не цветы и листья поражены ею, не плоды, не ствол и даже не корни, нет – подземные воды, питающие их отравой. На поверхности все пока еще кажется благополучным – но там, в темноте, поджидает гибель. Генерал во время войны посмотрелся на по-

таенную смерть в отравленных или зачарованных колодцах, в невинных с виду предметах, несущих проклятие любому, кто их коснется, и маленькие собачки – такие, как Апельсинчик – отыскивали отраву и заклятия, помогая обезвредить ловушки и исцелить источники.

А теперь Крылатый Дракон объявляет «Исцеление истоков» девизом своего правления, и даже собачку привел...

Не диво, что у сановников с перепугу языки отнялись!

– Ва-ва-ваа-аше величество, – прыгающими от ужаса губами произнес Министр Церемониала, – в-ввыы хотите сказать, что предполагаете... заговор?

О нет. Генерал еще не знал, о чем собирается говорить король – но, судя по выражению его лица, никак уж не о заговоре.

– Нет, – все так же благодушно возразил юный монарх, – не хочу. Я не стал бы собирать вас, чтобы говорить о предметах несуществующих.

Общий сдавленный вздох облегчения: никого ни в чем не подозревают, никого не уведут отсюда под арест... и ведь никому не приходит в голову простая мысль: если не заговор – та сокрытая во тьме отраву, от которой предполагается исцелять истоки, то о чем король собирается сказать?

– Но ведь заговор – не единственная на свете тайная беда, – продолжил Крылатый Дракон. – Собственно, заговоры – дело службы безопасности трона, а вовсе не общего тронного собрания. Нет, проблемы намного серьезнее.

Апельсинчик примолвил свое глубокомысленное «тяф».

Генерал краем глаза углядел, как вздрогнули сановники от этого «тяф», но именно что краем глаза – он смотрел не на них. Ничего существенно нового и интересного он на их лицах не увидит. Как и на лице короля. Этот юный прохвост разыгрывает свою роль так, что опытному актеру остается разве что подавиться от зависти – и раньше времени не выдаст ничего даже случайным движением ресниц.

Генерал смотрел на Государева Наставника Тайэ.

Он долгие годы был дружен с Соколом – и лишь потому мог заметить затаенный азарт... да, он верно догадался! Король и его наставник не просто спелись, нет! Весь этот балаган – часть их общего плана.

Генерал отлично знал, что такое – посылать в бой других. Творить победу их руками. А сейчас Сокол посылает в бой своего венценосного воспитанника. В его первый бой.

Диспозиция обозначена, резервы подготовлены... вот сейчас, вот еще мгновение – и барабаны скомандуют: «В атаку!»

И неважно, что вместо барабанов у короля всего-навсего рыженький Апельсинчик.

Собачонок сказал свое «тяф!»

В атаку!

Атаковал король стремительно.

– На ваших столах лежат копии тех документов, которые были вам разосланы неделю назад для ознакомления, – про-

изнес он. – Прошу вас раскрыть их.

Генерал тоже получил неделю назад уйму бумаг и прочитал их очень внимательно. Восемью дней для подобного чтения вполне довольно. Вот на то, чтобы составить их, ушло около четырех лет. Генерал помнил, как радовался Сокол, когда его воспитанник принялся за эту работу.

– Знаешь, я ему не рекомендовал, не подсказывал даже. – Сокол так сиял – хоть светильник от него зажигай. – Он сам понял, что новая перепись населения нужна, понимаешь, сам! Уже сейчас понял. А ему ведь всего двенадцать! Конечно, для него это пока только смутная догадка, по-настоящему он поймет уже потом, позже...

Сокол был прав – едва ли мальчик в полной мере осознавал, с чем столкнется, когда работа будет завершена. Скорее всего, он просто помнил, что говорил ему Сокол: правитель постоянно сражается за своих подданных. Но можно ли сражаться, не зная ни своих сил, ни неприятеля? Это верная дорога к поражению.

И мальчик затеял стратегическую разведку.

А может, он помнил детскую сказку о человеке, который отдал демону то, чего не знал у себя дома?

Как бы то ни было, король не собирался отдавать демону хоть самую незначительную мелочь.

– Как вы успели выяснить, перед вами результаты переписи населения. И она выявила глубинное неблагополучие. В сочетании с событиями последних лет двадцати ситуация

просто ужасает.

– Разве, ваше величество? – изумленно спросил Главный Казначей. – В чем же вашему величеству угодно изволить видеть неблагополучие?

Генерал досадливо дернул уголком губ: старый дурень помнил еще позапрошрое царствование – и изъяснялся соответственно. Его подобострастие резало слух. Более того, нынешнему этикету оно противоречило. Но научить старика иному поведению было невозможно. Его и вообще было невозможно научить ничему, и не только сейчас, в преклонных годах, но и прежде. Глуп он был всегда, и должность свою занимал по единственной причине: казначей безукоризненной честности – птица редкая. Покойный дед Дракона назначил его после того, как двое предыдущих казначеев проворовались настолько крупно, что оставалось только изумляться их наглости. Спустя недолгое время стало ясно, что одной честности все же недостаточно – но уволить чиновника только за то, что он дурак, невозможно. Глупость – не преступление. Старый пень пустил корни и выкорчевыванию не поддавался. Работу давным-давно исполняли его помощники, сами уже поседевшие на службе.

– Дайте подумать, – улыбнулся король. – Ну, например, мы дважды победили в войнах, разгромив захватчиков. Во время этих войн, особенно второй, наши маги нашли новые способы борьбы с моровыми поветриями. Это сильно продвинуло вперед магию целительства, ее успехи просто пора-

зительны. Народ наслаждается миром и благополучием. Вы и в самом деле не видите здесь поводов для беспокойства? Все вы?

Только теперь генерал понял, к чему клонит король. Понимание обожгло его, словно кипяток. Вот почему им были разосланы результаты переписи населения!

Генерал обвел взглядом присутствующих. Неужели никто из них не понял – сейчас, после слов короля?

Нет.

Никто.

Недоумевающие лица, растерянные взгляды...

А ведь они, в отличие от генерала, который служил по военному ведомству и потому сообразил лишь теперь, служили по гражданской части и должны были бы заметить признаки подступающей беды раньше. Заметить, сопоставить, сделать выводы...

Как бы не так.

Они и сейчас еще ничего не поняли.

Кроме Тайэ Сокола, конечно же. Он-то наверняка давно уже все предвидел. И ждал коронации Крылатого Дракона. Слишком уж глубокие понадобятся перемены. Обычным приказом тут не отделаешься. Подобное можно провести в жизнь только во время коронационных реформ.

Сокол знал – и молчал.

Никому, даже старому другу ни словом не обмолвился. Для генерала королевский демарш – такая же неожидан-

ность, как и для всех остальных. О да, он догадывается, куда нацелены острые атаки – но всего лишь догадывается. Планом кампании давний друг с ним не поделился.

А это значит – дело обстоит очень серьезно. Куда серьезнее, чем кажется генералу. Ведь не из недоверия Сокол так ничего и не сказал ему. Это генерал знал твердо. Доверие между ними было давним и нерушимым. Но есть замыслы, которыми не делятся ни с кем кроме тех, кто в них участвует.

Потому что слово тоже имеет силу. И силу эту оно заимствует из замысла. Рассказать означает расплескать. Пусть немного, пусть лишь несколько капель прольется из чаши задуманного – но в решающее мгновение именно этих капель может и не хватить. Мало ли гениальных идей и дивных прозрений насмерть изошли на слова, так и не воплотившись в дело? Генералу и самому доводилось молчать, чтобы не лишиться силы план рискованной военной операции – из тех, когда удача висит на тонком волоске, и одного слова довольно, чтобы его перерубить. Не потому, что кто-то выдаст тайну – а потому, что слово было сказано.

Неудивительно, что Сокол молчал.

И теперь молчит. Мальчик должен сражаться сам – иначе что он за король, если вместо него думает и говорит его воспитатель?

Он и сражается. Но ведь полководец имеет право на помощь союзных войск – разве нет?

– В глубинах мира таятся истоки войны, – медленно про-

изнес генерал, цитируя первые строки классического трактата «Искусство стратега», – подобно тому, как в благополучии таятся истоки злосчастья.

– Благодарю вас, генерал, – наклонил голову король. – Что ж, настало время поговорить о злосчастье. По крайней мере, о том, которое мы избыли. Нашей стране больше не угрожают моровые поветрия – ни обычные, ни наведенные магией. Побеждены многие болезни, прежде неизлечимые. Резко понизилась смертность... да, а кто обычно умирает от заразных болезней раньше и чаще других, господин Главный Целитель?

– Те, кто наиболее уязвим, – ответил Целитель почти раздраженно. – Старики, дети, роженицы...

Раздражение его было генералу понятно: задать главе ведомства магических исцелений такой простой вопрос – с его точки зрения – означало унижить его. Все равно что спросить великого каллиграфа, знает ли он два первых письменных знака.

Вот только зря он считает вопрос простым...

– Верно, – кивнул король. – Старики, дети... думаю, вы помните, какой была детская смертность еще не так давно. Там, где раньше выживал от силы один ребенок, сейчас остаются в живых четверо.

– Но ведь это прекрасно! – воскликнул Главный Целитель.

– Это прекрасно, – согласился король. – А разве пахотных земель в нашей стране тоже прибавилось вчетверо?

Голос его звучал мягко, почти ласково – но рот был жестким, решительным.

– Что нам скажет Министр Землепользования?

– Н-нет... – с трудом выдавил министр. – Не прибавилось...

– И это еще только дети – совсем уже дряхлых стариков, которые тоже не могут работать, я пока не считаю. Но ведь и им нужно есть. Не их вина, что новые достижения целителей подарили им настолько долгую жизнь. Мир? Благополучие? Опомнитесь, господа министры. Мы стоим на пороге голода.

Подобного ошеломления на вельможных лицах генерал не видывал сроду. Даже то, что он имел удовольствие наблюдать несколько минут назад, не шло с этим ни в какое сравнение.

– Но, ваше величество, – произнес Главный Цензор, – даже ради приобретения пахотных земель мы не можем позволить себе войну...

– Не можем, – вновь согласился король. – Вы правы. Даже в случае победы... возможно, особенно в случае победы наша гибель станет не просто неотвратимой, но и приблизится.

– Но что плохого в возвращении спорных территорий?

Генерал не помнил в лицо идиота из министерства церемониала, который брякнул эту глупость. Нет, ну вот почему штатские всегда так не прочь повоевать – и тем более не прочь, чем более они штатские? В любом королевском совете первыми в барабаны войны бьют отнюдь не генералы...

– Цена возвращения, – отрезал король. – Это все равно, что, изнывая от жажды, в уплату за воду отдать воздух. Без воды человек способен протянуть день, может, пару – но без воздуха счет пойдет на мгновения. А наш воздух – люди.

Он поднялся во весь рост, держа песика на руках, и посмотрел на незадачливого говоруна долгим взглядом.

– Вы, кажется, забыли, что мы пережили две войны. – Голос короля вновь звучал мягко и доброжелательно, вот только обольщаться этой мягкостью не следовало. – Два нападения на две границы. Оба раза враг проник в глубь страны. Обычных войск не доставало. Оба раза пришлось собирать ополчение. Да – мы победили. Но во имя богов и духов, посмотрите же на структуру населения! Да – людские потери восполнены. Но – кем восполнены? После войны выжившие всегда рожают чаще и больше – но дети не станут взрослыми по мановению руки великого мага или даже божественным произволением! У нас полным-полно ртов, которые надо накормить, нам вскоре не хватит земель – но еще более, чем земель, нам не хватает рук, способных их обрабатывать! Пока еще не хватает. Отправить тех, кто у нас еще есть и кто едва успел подрасти в пекло новой войны ради приращения спорных территорий? Вы безумны, советник, если предлагаете подобное всерьез!

Крылатый Дракон вновь опустился на сидение трона.

– И речь не только о земледельцах. В любом роде занятий картина та же. Мы пока еще держимся. Любое устройство

обладает определенным запасом прочности, и государственное устройство – не исключение. Но наше время на исходе. Если ничего не предпринять, катастрофа неминуема.

Апельсинчик завозился на руках у короля, протяжно зевнул во всю свою крохотную пастишку, показав розовый язычок, и уютно засопел. Король бережно опустил символ грядущего царствования на сидение трона рядом с собой. Хорошо символу – он может отдыхать. А вот собравшимся в тронном зале долго еще будет не до отдыха.

– Я изучил земельный кадастр за последние четыре года, – произнес Дракон.

И когда успел, шельмец? Это же уйма работы. Нет, что ни говори, хорошая штука – молодость. Можно почти не спать сутками – и сохранять здравость ума. Но даже дракон не должен загонять себя, пока не грохнется замертво, потому что крылья отвалились. Впрочем, совсем уж загнать себя Сокол ему не позволит.

– И рассмотрел предложения, поступившие в министерство землепользования за эти четыре года. Не все они хороши – по правде говоря, среди них много откровенно бредовых. Но те, что можно и нужно принять, я отделил от остальных и расположил в порядке срочности. Надеюсь, господин министр, я в последний раз выполняю работу, которую должны делать вы и ваше ведомство.

Судя по выражению лица министра, дракон не просто взмахнул хвостом, перепугав его насмерть – нет, он нанес

удар, и удар этот пришелся чиновнику прямо в лоб.

– Д-да, ваше величество... – придушенно просипел он.

– Эти предложения позволяют нам изыскать новые возможности и хотя бы отчасти решить проблему, – невозмутимо продолжал король. – Надеюсь, ваше ведомство сумеет найти дополнительные пути для выхода из опасного положения.

– Д-да, ваше величество... – повторил министр. Его, похоже заклинило – вряд ли он мог бы в этот миг произнести что-то иное. Даже предложи ему Дракон прямо сейчас отпилить самому себе голову ржавой пилой за вопиющее нерадение, министр точно так же ответил бы: «Д-да, ваше величество...» – не вникая в смысл того, что говорит.

– В ближайшее время мы с вашим ведомством будем очень заняты... как, впрочем, и с ведомствами морской и сухопутной внешней торговли. Нам придется очень многое переменить, если мы хотим полностью покрыть дефицит и избавиться от угрозы голода – и всего, что за ним последует.

Обманчивая мягкость исчезла из голоса короля полностью. Юный полководец уже привел свои войска к послушанию – и теперь отдавал приказы, выиграв первое сражение.

Но война не завершается единственной битвой. Генерал знал это – и не сомневался, что король не даст противникам передышку. Новый бой произойдет не когда-нибудь потом, во благовремени – он грянет прямо сейчас.

– Для начала нам следует расширить внешнюю торговлю лекарствами. И обычными, и магическими. Что нам по это-

му поводу может сказать глава целительского ведомства?

– Что мы не справимся, ваше величество, – хмуро ответил Главный Целитель.

Куда только и девалось пренебрежительное раздражение и досада! Их можно было еще допустить в разговоре со вчерашним принцем. Но королю – *этому* королю – следовало отвечать совсем иначе. Пусть даже и мрачно – но всерьез.

– В самом деле? – в голосе короля вновь появилась вкрадчивая мягкость. – И почему? Чего вам не хватает?

– Людей, – коротко ответил Главный Целитель. – Вы же сами только что говорили... нам в целом хватает врачей и медицинских алхимиков для собственных нужд – но внешнюю торговлю мы просто не можем себе позволить.

– Верно, – кивнул король. – Нехватка людей так или иначе ощущается во всех родах занятий. И как вы намерены справиться с ней в вашем ведомстве? Именно вы и именно в вашем?

Несколько мгновений Главный Целитель молчал, опустив голову.

– Я подумал, – медленно и осторожно начал он, – что мы могли бы допустить женщин до работы врачами и алхимиками, а не только лекарками... в конце концов, за последние лет двести такие случаи иногда бывали... можно было бы сделать их не отдельными исключениями, а обычной практикой...

– Это было бы вполне разумно, – кивнул король.

Генерал поклясться был готов, что в пакете реформ Крылатого Дракона уже лежит именно такая – новенькая, с пылу, с жару, извольте принять!

– Но дело в том, – старательно подбирая слова, произнес Целитель, – что подобное решение, искоренив одну проблему, порождает новые.

– Похвально, – промолвил король без тени насмешки в голосе.

Главный Целитель недоуменно воззрился на короля – да и не он один.

– Похвально, когда глава ведомства способен видеть дальше, чем на один ход вперед, и понимать, что могут возникнуть новые проблемы. Как по-вашему, в чем они заключаются?

– Нам не хватает не только людей, – все так же хмуро сообщил Главный Целитель. – Нам не хватает мест для них. Ни врачебных, ни алхимических. Никаких.

– Да вы что, смеетесь над его величеством? – взвился давешний советник. – Или голову морочить пытаетесь?

Всякий дурак после того, как выставил себя дураком, пытается выказать себя умником. Со вполне предсказуемым результатом.

– Ну что вы, советник, – мягко улыбнулся король. – Что вы, право же...

Советник испуганно осекся.

– Продолжайте, господин Главный Целитель. Мы все вас

внимательно слушаем.

– Нам действительно не хватает людей. Таких, как Дани Лисий След, к примеру. Пусть даже не таких великих врачей, как он, известных по всей стране – да просто талантливых и опытных. Но если они и придут, мне некуда их назначить. Наши успехи нас же и подрубили под корень. Те, кто раньше умер бы от старости, живы и продолжают работать. Даже если они уже за преклонностью лет выжили из ума и не могут припомнить ни одного заклятия. Даже если у них трясутся руки, и они... – Главный Целитель вздохнул. – Не все, конечно, многие старые врачи еще вполне способны хорошо исцелять, но все же силы у них уже не те. Годы берут свое. Врачей зрелого и среднего возраста недостает – а между тем мне и для них негде изыскать места. Они работают помощниками. На половинном жалованье – потому что они не имеют права брать за исцеления столько, сколько полагается врачу. Любой из них мог бы уже не один, а восемь раз сдать экзамен на звание врача – вот только куда я потом их пристрою? Места заняты. Подрастает молодежь – этих и во все остается разве что в квартальные лекаря записывать. А у лекаря права опять-таки нет лечить с использованием врачебной магии. С алхимиками та же беда, может, даже хуже. Места все заняты, а работать некому. Если я пушу женщин в профессию, чтобы ликвидировать недобор врачей, мне просто некуда будет их пристроить. С теми бы, кто есть, разобраться...

– Ну почему же некуда, – приятно улыбаясь, возразил король, и Главный Целитель едва приметно поежился. – Критическое положение позволяет прибегнуть к необычным мерам. Нам нужна внешняя торговля лекарствами. И если в вашем ведомстве создать отдельную управу, которая будет заниматься только ими, вы получите новые места. И сможете сделать помощников врачами и алхимиками. Тем самым дав надежду и молодежи. Да и женские руки тут не будут лишними. Я полностью согласен с необходимостью дать женщинам право быть не просто лекарями, а врачами и алхимиками.

Новая управа, значит...

Все-таки, твое величество, шельмец ты изрядный. Интересно, насколько велика в твоих затеях доля советов твоего наставника, и больше ли она, чем доля твоих собственных замыслов?

Если и больше, то ненамного. А скорее всего, она куда как меньше. Сокол мог воспитать кого угодно – но только не покорную марионетку, только не пустоголовое вместилище для собственных мыслей.

– Однако позвольте уточнить, – как-то совсем уже ласково поинтересовался король. – Подобное положение возникло ведь не сегодня и даже не вчера. Оно создавалось годами. Главный Целитель опустил голову.

Верно. Годами. И ведь молчал глава ведомства, все эти годы молчал. А Крылатый Дракон, просиживая трон, просто-напросто зарывает талант в землю – ему бы пленных вра-

жеских лазутчиков допрашивать! Лихо он господина Главного Целителя на сведения раскрутил, ничего не скажешь. Тот сам все выболтал, и принуждать не пришлось.

– И все это время вы молчали и ничего не предпринимали?

– А что тут можно было предпринять... – тихо промолвил Целитель.

Король обвел присутствующих медленным взглядом.

– Кто-нибудь из присутствующих, кроме охраны правопорядка и армии, может похвалиться тем, что в его ведомстве ситуация обстоит иначе?

Тяжелое молчание было ему ответом.

Все верно, мысленно хмыкнул генерал. Армия от засилья дряхлых стариков не страдает. На войне и вообще редко доживают до старости. А немногие ветераны, сумевшие дожить до седины, на вес нефрита! Их умения и опыт поистине бесценны. Именно они и обучают новобранцев. А нынешним новобранцам ох как нужно обучение. Король прав – мужчин молодых и зрелых лет недостает. Армия помолодела просто пугающе. До чего дошло – юнцы пятнадцати годов уже становятся в строй!

И в стражу таких же точно сопляков берут. И так будет еще какое-то время, пока сопляки не подрастут, пока не заполнится возрастная яма. Нет, определенно, у стражи и армии есть проблемы – но это совсем, совсем другие проблемы. Одно счастье, что на горизонте не маячит новая война

– иначе следующее пополнение пришлось бы верстать из детей.

– Никто? – уточнил король. – Тогда я хотел бы спросить у главы ведомства фарфора – ваше ведомство справится, если придется производить больше изделий, чтобы направить их на внешнюю торговлю?

– Справится, – почти не задумываясь, ответил чиновник. Ему казалось, что гроза прошла мимо.

Зря казалось.

– Я рад этому, – благосклонно кивнул ему король. – А вы нам не скажете, за счет каких ресурсов? Нет, даже так – за счет чего оно справляется прямо сейчас? У мастеров в сутках не восемь часов, а вчетверо больше, и при этом они не нуждаются в отдыхе?

Глава ведомства так побелел, словно королевский вопрос превратил его самого в фарфоровую куклу из тех, которыми так славится город Далэ. Но кукла может позволить себе молчание – а чиновнику следует отвечать.

– Расписывать фарфор могут и женщины, и даже дети, – произнес он неожиданно твердым голосом. – Кисть ведь не сильной руки требует, а точной. Ну, или если кто здоровьем слаб. Мужчины создают изделия, женщины расписывают, за счет этого пока и держимся. Жены, сестры, дочери мастеров. Я понимаю, почему ваше величество спрашивает меня о том, каким силами было достигнуто то, что мы имеем. Эти женщины... в ведомственные отчеты они не записаны. Я не

могу их внести в списки. Не могу сделать их мастерицами. Даже учениками, а уж лончаками – тем более. Срок ученичества имеет предел по закону. Потом ученик должен стать лончаком, а через год – полноправным мастером. А места ведь заняты. Тут у меня, как у всех. То, что они наработали, записано на их мужей, братьев и отцов. Иначе они не смогут получать полную плату за свой труд. Несправедливо, да. Все вокруг знают, конечно, кто роспись делал, такого не утаишь. Не тогда, когда у всех одна и та же беда. Все знают, конечно. И все молчат. Ради справедливости куска хлеба лишиться никому неохота. Тем более, что по справедливости все равно не будет. Все знают. И я знаю. И покрываю людей. Потому что отнять у них хлеб у меня рука не поднимется. И я не позволю этого сделать. Никому.

Даже королю.

Эти произнесенные слова витали в воздухе – ясные и отчетливые.

Ай да фарфоровый болванчик!

– Говоря языком господина Главного Целителя, – медленно произнес Крылатый Дракон, – у вас не открытая рана, как в его, к примеру, ведомстве. Вы не позволили ей быть раной. У вас гнойник, загнанный глубоко внутрь. Полагаю, не только у вас.

– А что я мог еще сделать, ваше величество? – негромко, но непреклонно спросил глава ведомства. – Что могли мы все?

Ай да фарфоровый болванчик!

Не сдается, держится до последнего. И вину за подлог, по сути, берет на себя. Побольше бы таких, как он...

– Впервые за долгие века, – не отвечая впрямую, произнес король, – сбылась старинная мечта. Мы вкусили от плодов здоровья и долголетия. И они оказались горьки.

Его рука рассеянно гладила шелковистую шерстку спящего Апельсинчика. Но король не смотрел на песика. Не смотрел он и на собравшихся в тронном зале сановников. Он смотрел прямо перед собой.

– Те, кто раньше умирал, освобождая место для следующих поколений, остаются в живых. Деды и прадеды занимают места сыновей и внуков. Везде – даже на государственной службе. А ведь тот, кто не получает власть и возможность действовать, когда готов к этому, не справится с властью, получив ее с опозданием лет на двадцать. Время для них будет упущено непоправимо. И мы не можем и дальше поддерживать несправедливость, записывая на одних работу, сделанную другими. Это не нарушение закона, это разрушение страны.

– Но что же нам делать, ваше величество? – с прежним упорством спросил глава фарфорового ведомства. Сановник был все так же бледен – и все так же решительно настроен сражаться за своих людей.

– Вообще-то на этот вопрос вам должен бы ответить господин Министр Церемониала, – промолвил король. – Осо-

бенно если учесть, что полное название его ведомства – Министерство Традиций и Церемониала.

Тяпнутый за палец министр вздрогнул.

– Но, ваше величество... – залепетал он. – Когда-то в древние времена действительно существовала традиция убивать дряхлых стариков, неспособных более работать, но...

– Но о ней и речи быть не может, – нетерпеливо перебил его король. – Как вы могли подумать, что мне в голову пришла подобная гнусность?

– Но... но как же тогда следует поступать... ведь нет такой традиции, которая...

– Есть, – резко оборвал его бульканье король. – Благодаря этой традиции на этом троне сейчас сижу я, а не мой отец, хотя он далеко еще не стар.

– Отставка, – без тени сомнений произнес Главный Цензор.

– Отставка, – кивнул король. – Раньше у народа в ней не было нужды. Теперь – есть.

– Но, ваше величество! – запротестовал Главный Казначей. – Можно ли вот так, ни за что, выгонять людей с должности?

Смотри-ка – дурак-то он дурак, а ведь понял, кто первым вылетит с насиженного местечка быстрее собственного визга! С перепугу даже подобострастие свое растерял где-то!

– Ваше величество! – поддержал его Министр Церемониала. – Народ не поддержит такую реформу. Заставлять лю-

дей насильно покидать службу...

И этот понял, чем для него закончится подобное действо. Надо же, как быстро дураки умнеют, когда речь заходит об их личной выгоде!

– Заставлять? – приятно улыбнулся король. – Да еще насильно? Ни в коем случае. Новый рескрипт дарует народу королевскую привилегию. Право по примеру королевского рода передавать должность и главенство преемникам и потомкам.

Генерал едва не взвыл от восторга.

Ах ты, змееныш!

Дракон, говорите? Да еще крылатый? О нет! Змей. Хитрый змей. Еще совсем юный – но хитрости ему уже не занимать!

Королевская привилегия, это ж надо же!

Привилегия. Право. Дар.

Эта идея сработает.

Еще как сработает!

Если ей дадут осуществиться.

Все-таки коронный совет по первым реформам – не скопище бессловесных филинов, которые только и могут, что кричать: «Угу!» Реформы должны быть не только провозглашены королем, но и приняты советом.

А в этом совете слишком много тех, кому право на отставку словно кость в горле. Тех, кто на службе не только умрет, но и сгниет, и рассыплется в прах, и развеется по ветру веков

– но места своего не уступит. Они будут сражаться яростно, что есть силы. И могут попробовать перетянуть на свою сторону тех, кто колеблется, кто еще не принял решения. И что хуже всего, у них может получиться...

Теперь понятно, почему юный король свой первый совет сразу взял за шкуру. Заставить их всех растеряться, поразить их, ошеломить... но чиновники живучи, как тараканы, и столь же увертливы, а первое ошеломление проходит быстрее, чем хотелось бы...

– Привилегия, которой до сих пор мог пользоваться только королевский род – великий дар, – прозвучал глубокий сильный баритон.

Государев Наставник Тайэ говорил с обычным для него уверенным спокойствием.

– Это возвышает достоинство каждого человека. Сделать королевское право всеобщим, распространить традицию на всех – безусловно, прекрасно.

Интересно, когда он со своим царственным воспитанником продумывал стратегию, кто из двоих должен был произнести эти слова – он или все-таки король? Отчего-то генералу казалось, что король. Но битва оказалась слишком серьезной – и теперь наставник перенимал у юного полководца инициативу, вводя в бой тяжелые резервы своего ума и опыта.

– Главное, чтобы люди не усомнились в том, что они это право получают. Поэтому мы должны доказать, что не даром

были облечены властью. Мы должны поддержать рескрипт о праве на отставку личным примером. Я первым буду просить у его величества дозволения уйти в отставку и удалиться в провинцию, как только приказ будет обнародован. Вы ведь поддержите меня в этом, господин Главный Казначей?

Государеву Наставнику не говорят «нет». Особенно если государев наставник зовется Тайэ Сокол. Что ему королевский совет? Он и не такие горы сдвигал в своей жизни. А совет... совет всего лишь рыхлый холмик, и сровнять его с землей для Сокола нипочем.

Не диво, что старый дурень обреченно кивнул. Что ж – не противиться Тайэ Соколу у него ума все-таки хватило.

– Я так и знал, что вы сразу поймете величие этого начинания! – воскликнул Сокол. – Полагаю, в этом собрании найдется немало достойных сановников, которые поддержат наш поступок и своим примером.

Найдется, еще как найдется. На кого ты укажешь, давний друг, тот и найдется. И еще радоваться будет, что дешево отделался.

Ты ведь предвидел это с самого начала, верно?

А твой воспитанник – нет.

Для него это словно гром с ясного неба.

Вы обсудили все, что было можно. А о том, что нельзя обсудить, ты смолчал.

Чтобы не расплескать силу замысла.

Чтобы она полностью облекла твоего воспитанника. Что-

бы он мог идти в свой первый бой с легким сердцем. Сразиться – и победить.

Он и победил.

С твоей помощью.

И хотя он и не показывает виду, терять тебя ему тяжело. Он улыбается так светло и ясно, словно ему в это самое мгновение под столом отпиливают ногу во имя блага государства. Ему больно. Очень больно.

Ты не предвидел этого, мальчик. Твой наставник не сказал тебе, какую цену придется заплатить.

Но он прав, назначив ее.

И не только потому, что твоя идея должна воплотиться в жизнь.

А еще и потому, что править ты должен сам.

Никто не мешает тебе переписываться с мудрым наставником, видаться с ним изредка, когда он будет посещать столицу, даже спрашивать иной раз совета. Но твое место не в его тени.

Ты не утратишь верного друга и не лишишься умного помощника. Просто отныне все будет по-другому.

Наверное, ты это уже понял. Наверное. И то, что тебя не бросают. И то, что расставание – не разлука. И многое, многое другое.

Наверное.

– Благодарю вас за понимание и поддержку, Наставник Тайэ, – ровным голосом произнес юный король. – И вас, гос-

подин Главный Казначей. Как только рескрипт о праве на отставку войдет в силу, я первыми подпишу ваши прошения об уходе.

Два года спустя...

Далэ

День первый

Солнце по летнему времени стояло еще высоко, но звон колокола с храмовой башни извещал, что день уже на утрате, и закатной страже пора сменить полуденную.

В ожидании смены полуденная стража нетерпеливо прохаживалась неподалеку. Не все же по улицам дозором ходить, ноги бить, всех работа дожидается. И так уже два трилистника, почитай, на ветер пущены. Оно конечно, за порядком следить – дело нужное, никто и не спорит. И разнарядка на квартал пришла в свою очередь, и жребий, кому обходом идти, кидали честно. А все-таки в самую рабочую пору все бросить и пустоделом по городу таскаться – убыток сплошной. Пусть и невеликий, а убыток. Разве только холостым парням заделье есть – перед девушками покрасоваться, плечи порасправлять, приосаниться, показать, какие они лихие да бравые. А если по-хорошему, так и им с этого красованья прибыток невелик. Пусть и говорят, что работа – не молоко, за день не прокиснет, да только придумали пословицу эту лежебоки и бездельники. Таким и в будни праздник, и в страду гулянка. Надергаются вина до полного изумления, покуда оно слезами из глаз не потечет, и давай безобразия

учинять. А ты по их милости изволь в самую что ни на есть горячую пору от дела отрываться и за порядком приглядывать. Изводу на них нет. Выдумали же боги зачем-то и пьяниц, и буянов, и воров – а вместе с ними и сменщиков непутевых! Колокол уже отзвонил, трилистник Коня облетел, наступило время Волка, а закатным словно и невдомек.

Закатная же стража, возглавляемая обходящим по фамилии Лан, переминалась с ноги на ногу возле караулки.

– Куда стоим, кому ждем? – не выдержал Нин, крепкий парень, полагающий себя главным острословом квартала, а может, и всего Белого города.

Лан поморщился. Нина он терпеть не мог с детства. Уже тогда Нин был пакостником, дураком и пошляком, и с возрастом не переменялся ничуть.

– Разве не видишь – не все еще в сборе, – нехотя отмолвил Лан. – Одного человека не хватает.

– А ведь и верно, – подхватил Гань, обладатель пудовых кулаков и незлобивого нрава.

– Обходящий, а кого нету-то?

– Кого ждем?

Стражник Лан заглянул в разрядку.

– А должен сегодня быть... должен быть с нами... рисовальщик Бай, вот кто!

Вокруг засмеялись.

– Бай, ну надо же!

– Ага, всем бы комар-воин хорош, да копьё коротковато!

Лан только вздохнул. Действительно, художник Бай был человеком болезненным, хилого сложения, и пользы от него в бою было не больше, чем от комара. Случись дозорным столкнуться с каким-нибудь беспутством, учинись драка – прихлопнут ведь бедолагу, не глядя.

– Куда кузнец с молотом, туда и кузнечик с молоточком, – пробасил Гань. – Слышь, обходящий, кто ж это такое удумал?

– Да никто не удумал, жребий на его дом выпал, – досадливо ответил Лан. – А больше, получается, и некому. Взрослых мужчин в доме – сам рисовальщик и отец его. Бай, конечно, и правда кузнечик кузнечиком, так ведь отец и вовсе ветхий.

– Ну, если с отцом сравнивать, то Бай из себя мужчина видный, кто бы спорил...

– Да кому какое дело, видный или невзрачный – главное, здесь он должен быть, а его где-то носит!

– А мы тут его дожидайся...

– Да вот же он идет!

– Где?

– Вон, смотрите, со стороны Расписной улицы. И ходко так поспешает!

Кто-то и впрямь приближался со стороны Расписной улицы. Солнце светило ему в спину, и разглядеть идущего было решительно невозможно. Виден был лишь темный силуэт, и только.

Толстяк Фан приладил над глазами ладонь козырьком и старательно вгляделся.

– Тю, – разочарованно протянул он. – И вовсе это даже и не он. Бай на голову пониже будет, и в плечах поуже, и статью пожиже. И не он это, и не к нам...

– Да нет, как раз к вам! – послышалось в ответ.

Голос был густой и низкий, но несомненно женский – а главное, отлично Лану знакомый.

Даже в детстве, когда невестка семьи Бай носила совсем другую фамилию, а заодно и прозвание Забияка, голос у нее был не по летам низким. Другую бы задразнили – мол, что гудишь, как шмель – но дразнить Забияку было небезопасно. Она была сильнее и выше всех окрестных мальчишек. Даже Лан, даром что прозывался Дылдой, был тогда на полголовы ее ниже. Он и сейчас был ниже ее на полголовы – и не сомневался, что рука у нее по-прежнему тяжелая, совсем как в те времена, когда восьмилетняя девчонка возила десятилетнего Дылду носом в пыли, приговаривая, что издеваться над малышами и пинать щеночка нехорошо. Дылда вырос, стал стражником и теперь сам мог запросто призвать к порядку любого, кто издевался над малышами и пинал щеночков – даже окажись этим любым вооруженный бандит – но с бывшей Забиякой связываться бы поостерегся. Себе дороже.

Совершенно непонятно, что нашел в этой рослой, могучей и отменно некрасивой женщине хрупкий красавец-художник. Но ведь что-то он в ней нашел, недоступное другим.

Довольно было глянуть, как меняется его лицо при виде жены, чтобы и сомнений не возникало: художник любит ее беззаветно. Любви не скроешь, счастья не подделаешь. Правда, все же нашлись поначалу злые языки, посмеившие утверждать что все яснее ясного – не жену Бай взял в дом, а бабтрачку. Иначе с какой стати ему сдался жуткий мезальянс? Не пара художнику из хорошей семьи сирота, дочь вдовы-поденщицы, неотесанная, некрасивая и неимущая. Добро бы хоть приданое было толковое, семье Бай оно бы ну никак не помешало – так ведь нет же, ни гроша за ней художник не взял! Невелико было приданое, но и его не осталось – все как есть Забияка продала, чтобы похоронить мать.

Однако сплетникам пришлось примолкнуть, когда мать художника отвела невестку в храм и официально сменила ей прозвание. Была Забияка – стала Ласточка. Кого попало в честь духа-хранителя не нарекут. Семья Бай обожала ее – и свекровь, и свекор, и совсем еще юная золовка. Поди попробуй дурным словом Ласточку тронуть – не с ней одной, со всей семьей дело иметь придется. Проще уж отступить и сделать вид, что никто никогда ничего такого и не говорил вовсе...

Поэтому даже насмешник и пошляк Нин не осмелился отпустить под видом шутки какую-нибудь очередную пакость, а всего лишь спросил оторопело:

– Это почему это к нам?

– По разнарядке, – ответила Ласточка Бай как нечто само

собой разумеющееся. – На наш дом выпало.

– Так ведь это... а муж твой как же? – не понял толстяк Фан.

– А у мужа работа срочная, – так же спокойно произнесла Бай. – Ждать не может.

Это было понятно. Роспись фарфора – дело тонкое, и требует не только верного глаза и руки с понятием. Если роспись подглазурная, по своей воле ее не остановишь. Да что там остановишь – чуть промедлит рука, чуть задержится кисть, и после обжига краска окажется в этом месте ярче и гуще, чем нужно, а то и вовсе безобразное пятно объявится. Отложишь работу не ко времени – потом не вернешься, неверно краска ляжет. Нельзя срочную работу художнику отложить, чтобы по улицам обходом таскаться – все как есть загублено будет.

– Ну, это дело понятное, – пробасил Гань. – Если срочная работа, тогда никак.

– Сегодня я за него, – объявила Бай.

– Тю, – махнул пухлой рукой Фан. – Женщина...

Стражник Лан расхохотался.

– Это ты Забияку не знаешь и плюх от нее пацаном не огребал, – простонал он, давясь смехом. – Если где надо порядок навести, она трех таких, как ты, стоит, а может, и четырех.

Не только Фан, но и все остальные порядком растерялись. Но ведь они и в само деле не знали Забияку – кроме разве что

Нина. Судя по его кислой физиономии, он отлично помнит, как собрал таких же, как он сам, чистеньких сытых подростков, чтобы избить ребят из Подхвостья, потому как слишком много о себе понимать стали – и как Храмовая Собака, Дылда и Забияка отлупили находников. Те бежали от их ватажки быстрее собственного визга, причем Нин был вынесен прочь как раз крепкими кулаками Забияки. И Лан был готов голову позакладывать, что она и теперь может повторить тогдашний подвиг. Ну и что же, что ее прозывают сейчас Ласточкой? Боец она крепкий. Ну и что же, что женщины дозором не ходят? Это ведь еще смотря какие женщины!

– Ну что, Ласточка, – все еще смеясь, спросил Лан, – если кто будет щеночков пинать, ты его приструнишь, верно?

– Верно, – отозвалась бывшая Забияка. – Да ты не бойся, Дылда, я тебя в обиду не дам.

И что на такое можно сказать? То-то и оно, что ничего. Да и недосуг лясы точить: и без того задержались, еще немного промедлишь, и быть невиданному непотребству – полуденная стража примется лупить закатную. И кто их к порядку призывать будет?

Пересменка совершилась быстро. Вскорости полуденная стража с чистой совестью разошлась по домам, и в обход отправилась закатная, вооружившись, как водится, самой разномастной боевой снастью – от дубинок до тупых коротких копий и даже почему-то невесть откуда взявшимся здоровенным пожарным багром. Багор, естественно, достался Ла-

сточке. Меч полагался только стражнику Лану.

Несмотря на туманную ночь, поутру развиднелось. День выдался жаркий и безоблачный. Небо еще задолго до полудня налилось густой спелой синевой. К началу трилистника Волка жара и не думала спадать. Первым начал потеть и пыхтеть толстяк Фан. К исходу первого листа даже бывалый Лан то и дело утирал лоб, искоса поглядывая на Ласточку: вот кому палящее солнце было нипочем. Она шла прежним широким ровным шагом, успевая на ходу пересмеиваться и перешучиваться не только со всей закатной стражей, но и с прохожими, и с владельцами лавочек, попадавшимися на пути, и от ее шуток жара казалась не такой изнуряющей. Вот кому и в самом деле место в страже! Рисовальщик Бай за один лист спекся бы в пирожок, раз уж и покрепче его парни едва не сомлели – а Ласточка и сама держится, и других подбодряет. Нет, вот когда разрядка опять выпадет по жребию на семью Бай, Лан и думать долго не будет, а сразу Ласточку в обход позовет!

И все же то один, то другой все чаще сбивался с ноги и отставал. К середине второго листа не только Фан еле плелся, а до сумерек, несущих долгожданную прохладу, было еще далеко: летний день длинный, это ночь коротка, не видать, как и миновала. Ясно было, что если не дать людям передышку, то еще до исхода смены закатная стража из обходящей город дозором превратится в обползающую. И Лан, подумав немного, изменил привычный порядок обхода и повел отряд

не в глубину ближайшего квартала, а к реке.

Потом он не раз думал, как повернулось бы дело, окажись день не таким жарким...

Река дышала влажной прохладой, однако набережная в этот час была пустынна: время для прогулок и лодочных катаний еще не наступило.

– Отдыхаем, – скомандовал Лан.

Люди приглушенно загомонили, радуясь передышке. Лан к их разговору не прислушивался. Он тоже наслаждался мимолетной свежестью, тянувшей от воды, ни о чем не думая и не глядя по сторонам. Поэтому внезапный оклик застал его врасплох.

– Слышь, обходящий, – позвал его Гань, – а что это там такое?

Его огромная ручища указывала на темное пятно в речных волнах.

– Собака дохлая, что ли? – предположил Фан.

– Вот еще не было печали, – сплюнул Нин.

Нин был прав, пусть Лану и неприятно было признавать его правоту хоть в чем-то. Но ведь и в самом деле: какой-то умник собаку дохлую в реку выкинул, а у кого об этом голова болеть должна? Ясное дело, у стражи. Собаку следовало выловить, опознать и наложить на нерадивого владельца штраф – чтобы впредь неповадно было. Приятное занятие, нечего сказать.

Пятно между тем приближалось. Лан пригляделся и ах-

нул.

– Не собака это! Там человек!

Теперь уже все, даже близорукий Ао, ясно видели, что течение несет к ним человека. Именно течение – сам он не шевелился.

– Все едино мертвый, – выразил общее мнение Фан.

– Все едино вытащить надо, – возразил Лан.

– Так ведь штука нехитрая, – встрял Нин. – Сейчас его течением поближе принесет, багром его зачалить, и дело с концом. Эй, Ласточка, багор сюда давай!

Ласточка протянула багор – но не Нину, а стражнику. Лан и принять багор из ее рук толком не успел, а она уже подтолкнула юбку повыше и шагнула с парапета в воду.

– Эй, Забияка... ты это что... куда ты? – оторопело воззвал Лан, отчего-то ощутив себя не стражником, а прежним Дылдой.

Но Ласточка не ответила. Она плыла мощными гребками, и течение оказалось не в силах с ней совладать.

– С ума сошла совсем... – сипло сообщил наступившей тишине Фан.

Лан, вновь из Дылды ставший стражником, уже отложил багор и перевязь с мечом и шагнул к воде – но Ласточка как раз оказалась возле парапета.

– Тащи, – сказала она, приподымая утопленника, и Лан подхватил тело и потянул его на берег.

Следом на парапет выбралась Ласточка, мокрая насквозь

и оттого некрасивая до смешного. Но никто и не подумал смеяться.

– Дурная ты, Забияка, – укорил ее Лан. – А вот если бы ты утонула?

Женщина не ответила ничего. Она молча склонилась над утопленником.

– И чего там смотреть? – не выдержал Нин. – Мертвяк, он мертвяк и есть. Сама же видишь, синенький уже.

Ласточка не обратила на его слова никакого внимания. Она перекинула утопленника через колено и резко, энергично нажала на его спину.

– Да брось ты, – увещевал Нин. – Ясно же, что мертвый. Вон, видишь, у него и голова разбита. Небось ударился в воде обо что-то, потому и утоп.

Разбитую голову видел и Лан. И понимал, что так удариться головой самому невозможно. Этого человека ударили по голове. Так что утонул он не сам. Ему в этом помогли.

Дело выходило до крайности скверное. Не просто утопленник – убитый!

Додумать эту мысль до конца Лан не успел – потому что изо рта утопленника хлынула мутная розоватая вода и слышался короткий рваный кашель.

– Счастлив твой бог, Забияка! – выдохнул Лан, не веря своим глазам.

Но поверить пришлось. Выловленный из реки был еще жив – и Лан даже представить себе не хотел, что бы случи-

лось, вздумай он тащить его багром, как мертвого.

– Клади его сюда! – Лан помог Ласточке осторожно положить тело на парапет. – Ничего, дружок... сейчас ты у нас дышать будешь... ты даже и знать не знаешь, как ты сейчас будешь дышать... со всем усердием будешь... руку ему под голову клади, а другую на лоб, да – вот так... а вы что стоите, как приколоченные?! А ну, живо – Нин за кварталным лекарем, Гань в следственную управу, бегом! И чтобы одна нога здесь, другая там!

Когда за его спиной раздался топот бегущих ног, Лан даже не обернулся. Он ритмично нажимал на грудь спасенного обеими руками, как бы сбрасывая в эти резкие нажатия весь вес своего сильного тела, то и дело прикладываясь ко рту бедолаги, чтобы вдохнуть в него воздух.

– Дыши... – время от времени бормотал Лан, сам не замечая того. – Дыши, кому сказано... убую!.. дыши, зараза!..

Колокол Храмовой башни отзванивал начало часа Волка.

– Да-ни!

И тебе привет, дружище. Как дела, как жизнь?

– Данн-ни, Данн-ни, Даанн-ни!

Да что ты? Быть не может!

– Даанн-нии!

Спасибо на добром слове. И тебе того же.

Долгий отзвук последнего, пятого удара, плыл в воздухе, медленно растворяясь в жарких солнечных лучах.

Вот так и сходят с ума.

Когда начинают с храмовым колоколом разговоры разговаривать.

Но с кем еще может поговорить Дани Ночной Ветер?

Тому, кто заключен под домашний арест, видеться с людьми запрещено.

Стража, стоящая караулом возле дома, как бы не в счет, ведь именно эти люди трижды в день приносят арестованному еду. Но и с ними раговаривать нельзя. Иногда кажется, что никаких караульных нет и вовсе, а еда возникает потому, что трижды в день в дом являются бессловесные призраки.

Хотя нет... наверное, все-таки призрак – он сам. Потому он и не может поболтать с охраной. Они его просто-напросто не услышат. Им нельзя его слышать.

Вот и выходит, что одному только колоколу есть до него дело. Всеми остальными он забыт так прочно, как если бы его никогда не существовало. И пока следствие не завершится, Дани все равно что нет на этом свете. Его даже для сыщиков, по сути, нет. Имеются обстоятельства преступления, которое надо расследовать. Имеется означенный в бумагах подозреваемый по прозванию Дани Ночной Ветер. Он выведен черной тушью в следственных документах и заверен служебной печатью. И он – есть.

А того Дани, который сидит сейчас в запертом доме – нет.

Ночной Ветер не раз жалел, что сидит не под обычным арестом, а под домашним. Зря, наверное, жалел. Условия в

тюрьме куда как похуже будут. И вдобавок тюремное заключение бесчестит должностное лицо непоправимо. Даже если обвинения потом будут сняты, со службой можно попрощаться навсегда. А домашний арест ущерба достоинству не наносит. И у него есть надежда когда-нибудь...

Впрочем, будем честны – а есть ли?

Зато в тюрьме можно перекинуться словом с другими заключенными. Можно даже огрести по шеям от ретивого стражника. Чем не доказательство того, что ты жив, что ты не привидение, по недосмотру судьбы задержавшееся на этом свете? Чем не благо?

Иногда Ночной Ветер готов был за это благо отдать надежду на возвращение к прежнему – ведь она была таким же призраком, как и он сам.

Но он не имел права поступиться ею – даже в мыслях.

А если бы и имел – все равно не стал бы. Искушение велико – но Дани Ночной Ветер никогда не сдавался.

Даже когда его фамилия и прозвание были совсем другими.

Когда ему было шесть лет, и родителям втемяшилось в голову переехать в Интон. В родных его краях сделалось беспокойно, на дорогах пошаливали грабители. Семье портного и дела не было до разбойников, взимающих дань с проезжих – ремесло, как-никак, оседлое, нужды нет по дорогам шататься. Но портной рассудил, что если сегодня грабят на перекрестках, то завтра воры придут в дом, и тогда прости-про-

щай, нажитый годами честного труда достаток. Он продал жилье, обратил в деньги имущество, усадил в повозку жену и сына и направился в Интон – чтобы, не доезжая до цели своего путешествия всего несколько дней, угодить в лапы таких же точно бандитов, от которых хотел найти защиту за прочными городскими стенами.

Как убивали его родителей, мальчик не видел. Его свалил удар дубиной по голове. Похоже, разбойники посчитали его мертвым, раз не добились. Очнулся он не скоро и сперва не мог пошевелиться. Он плакал от боли и страха и звал родителей. А потом понял, что звать некого.

И слезы покинули его.

Кто бы мог поверить, что шестилетний мальчик, давясь сухими рыданиями, сможет обломком бандитского клинка выкопать могилу – пусть и неглубокую, всего на полтора локтя в землю? Теперь, годы спустя, он и сам бы себе не верил, что сделал это – если бы не шрамы на руках. Полностью они так и не изгладились. Чудо, что он тогда не повредил себе ни одного сухожилия, ни одной связки, что обошлось без заражения, да что он просто не истек кровью. Но в тот страшный час ему не было дела до подобных опасений, он даже боли почти не чувствовал.

Он похоронил родителей, как сумел, равнодушно замотал израненные руки лоскутами, откромсанными все тем же обломком ножа от своей рубашки, и пошел в Интон.

Почему бы и нет? Ведь ему больше некуда было идти.

В город он не столько прошел, сколько пролез. Воротный сбор заплатить он не мог. Откуда у него деньги? Даже если бы разбойники чудом обрели в дорожную пыль монетку-другую, он бы не догадался поднять. Скорее всего, в тогдашнем помрачении чувств, которое одно и позволило ему сохранить рассудок, он бы не догадался даже, что это за предмет такой – монетка – и зачем он нужен. Невесть откуда взявшийся мальчишка без единого гроша – оборванный, грязный, руки окровавленными тряпками замотаны... да кому в городе нужен еще один малолетний побродяжка? Своих девать некуда. Жаль, конечно, пацана, да служба не велит. Дать ему хлеба да с десяток грошей, и пусть проваливает. Может, в какой-нибудь деревне найдет себе кров. А до тех пор не пропадет. Десятка грошей ему на неделю точно хватит, чтобы пропитаться.

И все же стражник, надзиравший за порядком, покуда его сотоварищ взимал сбор, не только всунул в его замотанную ладонь квадратную монету в десять грошей. Он долго смотрел на мальчишку, на его кровавые лохмотья, на запыленное упрямое лицо с темными глазами, которые так и не сумели пустить слезу – а потом медленно отвернулся, старательно делая вид, что совсем не замечает, как малолетний оборванец проскальзывает внутрь и смешивается с толпой.

Стражника мальчик запомнил. Уже потом, во время осады, когда он с другими мальчишками, шатаясь от голода, таскал защитникам города воду, чтобы кипятить ее, он встре-

тил этого человека там, на стене. Однако так и не спросил: «Дяденька, а вы меня помните?»

Но до осады случилось многое.

Выжить на улице – легко ли для домашнего мальчика, любимого сына любящих родителей? Едва ли. А вот для мальчика, который похоронил этих родителей при помощи обломка ножа, голодным дошел за три дня до Интона и вошел в ворота... нет, и для него это дело нелегкое.

Но – не невозможное.

Просить подаяния он не умел, да и вид его мог напугать самого сердобольного прохожего. Разве что руки заматывать, чтобы от него не шарахались. И все же милостыня была скудной. Но он не сдавался. Он разучился сдаваться на дороге в Интон за три дня пути от города.

Счастье еще, что уличные попрошайки, обычно нетерпимые к появлению чужаков, не били его и не гнали. Жалели. Может, даже и побаивались. Потому что не должно быть у сопляка неполных семи лет ни изрезанных ладоней, ни такой безуминки во взгляде. “Да, паря, натерпелся ты”, – говорили нищие, обучая его секретам своего ремесла. Оказывается, милостыню клянчить – это вам не просто так, это тоже ремесло. С тайными приемами и ухватками – ну, это уж как водится. И освоить их не так просто. Неумеху иногда от щедрот покармливали. И не только нищие, но и воры. У этих был простой расчет. Мальчишка тощий, верткий – для воровского ремесла самая настоящая находка. Ничего, что

руками покуда владеет плохо. Со временем вылечится. Тогда его и обучить пора придет. А к делу уже и сейчас приспособить можно. Конечно, сам он воровать пока еще и не может, и не станет. Не только руками – душой не сумеет. Но вот стянуть с лотка яблоко, заблажить и пуститься наутек, чтобы устроить суматоху, в которой настоящим ворам так удобно срезать кошельки – для этого он вполне стодится. Опять же, если мелкого и поймают, то бить не будут. Посовестятся. Ишь он какой доходяга...

По правде говоря, мальчик тогда не понимал, что его просят не шутку помочь сшутить, а соучаствовать в краже. Но его кормили – и в благодарность он помогал учинить переполох. Он даже гордился своей лихостью. Промышлял он на ночном рынке – днем он попрошайничал, да к тому же ночью в неверном свете фонарей его труднее узнать, чтобы после, столкнувшись с ним на улице, навешать ему плюх за давешнюю выходку. Он не попался ни разу. Именно тогда он и получил за быстроту и неуловимость прозвание Ночной Ветер.

А потом к стенам Интона подступила война.

Проказить на рынке Ночной Ветер перестал. Нехорошо. Гадко пакостить людям, с которыми вместе оказался в беде. Очень скоро воры отступились от него с просьбами еще раз, ну вот еще хоть раз подшутить над во-о-он тем лоточником. И подкармливать его тоже перестали. Самим еды не хватает – так и какой смысл тратить ее на неуступчивого щенка?

Нищие какое-то время еще делились с ним, но реже, на-

много реже. Ручеек милостыни неумолимо мелел с каждым днем осады. Подавали неохотно и скудно. И если раньше в плошке для подавания куда чаще денег оказывался кусок хлеба или остатки от вчерашнего ужина, то теперь об ее дно раз другой за день звенели монетки. Ничего, кроме монеток. А что от них проку, если за эти гроши морковного хвостика, и того не купишь?

Вместе с осадой в Интон пришел голод. И Ночной Ветер голодал вместе со всеми.

Нет – тяжелее всех.

На жителей города был расчислен хоть какой-то паек. Тем, кто может стоять на стенах – чуть больше. Остальным – чуть меньше. Самая малая толика еды. Ровно столько, чтобы не помереть с голоду, покуда к осажденным не подоспеет помощь.

Но у Ночного Ветра и того не было.

Он ведь не значился в списке горожан Интона.

И между ним и голодной смертью не было и черствой корки.

До того дня, когда из лап смерти его вытащил самый невероятный человек на свете.

Многие в ту страшную пору крали еду. Многие – но не вчерашний невольный воровской пособник Ночной Ветер. Украсть у другого голодного было немислимо. К тому же протянуть руку за чужим куском означало сдаться. Даже помтившимся от голода рассудком он это помнил крепко. Но

доля, предложенная ему, была не чужой...

Дани Лисий След не так давно поселился в Интоне, но был там человеком уже известным. Возможно, самым известным в городе. Его знали все – если не в лицо, то понаслышке. Врачей в Интоне немало – а Лисий След один. И дело не только в его несомненном таланте, не только в мощи его целительной силы. Дело в том, как именно он ее получил. От чего ради нее отказался.

Быть лекарем – ремесло хорошее. Однако лекарь магией исцеления не владеет. Быть врачом куда почетнее. Однако за врачебную магию приходится платить. И плата эта не всякому под силу.

Желающий стать врачом после обучения должен прийти в храм и отдать одному из восьми духов какую-то часть своего здоровья. Только тогда он получит силу – тем большую, чем более серьезной была жертва. Среди врачей нет полностью здоровых. Только руками и глазами не жертвуют никогда – они нужны для работы. А в остальном... вечный кашель, хромота, больная печень, горб... да мало ли на свете хворей, которыми можно страдать пожизненно. Однако жертва Дани была самой большой из возможных.

Он отдал Лисе свою мужскую силу. И получил взамен то, о чем просил. Редчайшую по величине магию исцеления – вплоть до возможности обнаруживать и излечивать врожденные уродства и болезни еще в утробе матери.

Большим сердцем и широкой душой надо обладать, чтобы

решиться на подобный выбор.

Удивительно ли, что этот человек подобрал на улицах осажденного города умирающего от голода бродяжку?

В себя Ночной Ветер пришел, поперхнувшись теплым отваром – жиденьким, основательно разбавленным, но изголодавшемуся мальчишке он показался невероятно крепким и сытным.

– Тише-тише, не торопись, – приговаривал врач, поднося ложку к его губам. – Вот так, понемногу... ты уж прости, больше тебе пока нельзя, слишком ты долго не ел... еще вот три ложки, и все...

Еще три ложки? А Ночной Ветер сумеет их проглотить? С привычки каждый глоток казался увесистым, как кирпич. Мальчик предполагал, что и перевариваться съеденное будет долго, как если бы он кирпичей наглотался. Так что сыт он будет еще не один день – разве нет?

Лисий След заверил его, что конечно же, нет – так что о возвращении на улицу нечего и думать. Маленький пациент остается в доме врача до полного исцеления. И – да, это не обсуждается.

Ночной Ветер остался. Переупрямить великого врача не удалось еще ни одному его подопечному.

Однако есть Ночной Ветер старался как можно меньше. Потому что, едва обвыкшись в доме, он понял, откуда Лисий След берет для него пищу.

Из своей доли.

Лисий След славился не только талантом и добротой, а еще и совестью и безупречной честностью. Город единодушно выдвинул его в число тех, кто отвечал за распределение пайков среди жителей. Кого, как не его можно назначить на такое место? Слишком уж велико искушение. Но Дани ему не поддался. Ни крошки чужой он не взял себе из городских запасов. И когда в его доме появился приемыш, на которого нет пайка, Лисий След и руки не протянул за лишним куском. С Ночным Ветром он делился своей едой. Всякий ли смог бы на его месте?

Лисий След смог.

И Ночной Ветер заставлял себя есть. Заставлял себя выжить – хотя в чем только душа держалась. Но он не мог подвести врача, который сохранял ему жизнь ценой своей собственной.

Не мог сдать. Ради Лисьего Следа – не мог.

До начала осады довольно-таки толстенький, как оно нередко бывает среди евнухов, Лисий След отощал так, что страшно было вчуже и посмотреть. Еще и шутил: мол, врачам нельзя от своего прозвания отречься, а то попросил бы мне сменить прозвание на Тощий Кошелек – видишь, какие брылы висят пустые, ну точь-в-точь ведь, как складки на кошеле.

И Ночной Ветер ел. Не позволяя себе уронить ни крошки – чтобы ни одна самая малая часть жизни врача, отданная ему, не пропала даром. А потом, шатаясь, помогал Лисьему

Следу собрать сумку с лекарствами и инструментами и шел его сопровождать. Врач штопал раны защитников городской стены, а Ночной Ветер таскал им воду. Он то и дело падал – а потом подбирал опустевшее ведро и снова шел за водой. Он не мог сдаться.

Весь город не стал сдаваться врагу – с какой же стати он станет?

А после осады Лисий След усыновил уличного попрошайку и дал ему свою фамилию.

С этого дня Дани Ночной Ветер знал только одно сердечное желание – отплатить приемному отцу за доброту. Отплатить... словно-то какое гадкое. Но что поделаться, если другого слова людской язык не знает. Что могут понимать люди, если они придумали такое слово? Разве они поймут жаркую жажду, томящую его? Каким словом назвать стремление принести в жизнь отца тепло и свет, счастье и радость? В ответ на сердечную любовь дать повод гордиться собой?

Когда Ночной Ветер понял, что врачом, как отец, ему не бывать, для него без малого дневной свет померк.

– Пойми, – увещевал его Лисий След, – знания, конечно, дело хорошее. Но одни только знания сделают тебя, самое большее, лекарем. И ты уж меня прости, сынок – очень посредственным. Совсем без таланта в этом деле нельзя. А таланта к исцелению у тебя нет. Не твое это.

– А магия? – в который уже раз спрашивал его в отчаянии Ночной Ветер.

– А магия таланта не заменит. Вот и подумай сам. Врач, пусть и знающий, с силой – и без таланта. Это же ужас что такое.

Он обнял приемного сына.

– Не сокрушайся так, Ветерок. Быть врачом – не единственное достойное занятие на этом свете. Есть и другие пути.

И Ночной Ветер яростно поклялся себе, что он найдет для себя путь.

А для этого надо учиться. Много и усердно.

Возраст для начального обучения грамоте самый что ни на есть настоящий. И не так уж Ночной Ветер и отстал от своих более благополучных сверстников. Лисий След еще во время осады показывал ему первые письменные знаки, и память мальчик впитывала и усваивала их так же полно и без изъятия, как его тело впитывало и усваивало каждую крошку еды. Ночной Ветер быстро нагнал сотоварищей по школе. Но ему было мало всего лишь нагнать. Превзойти – и только так. Одноклассников?

Ерунда какая. Самого себя превзойти. Прыгнуть выше головы. Чтобы приемный отец мог им гордиться. Чтобы знал – Ночной Ветер не предал его хлеб. Пища для тела и пища для ума равно пошли впрок.

Вообще-то зубрилок не особенно любят. Обычно одноклассники пакостят им кто во что горазд. Но в Интоне все знали, чей приемыш рвется самого себя опередить. И – по-

нимали его стремление. Да если бы и не понимали, ради Лисьего Следа терпели бы и не донимали. А его не терпели, им гордились. Первейший ученик, приемный сын самого уважаемого и любимого из жителей Интона, не посрамил отца.

Он не сдавался. И Интон одобрял его упорство.

В столице дела пошли хуже. Намного хуже.

В лучшей из столичных школ учились по большей части сыновья знатнейших вельмож – а как же иначе? Таких, как Ночной Ветер, там называли плевком среди жемчужной россыпи – и относились соответственно. Лисий След отговаривал приемного сына – но Ветер решил твердо и от своего решения отступить не собирался.

– Я сам выбрал эту школу, отец. И я знаю, что я выбрал. Такие знания, как там, мне не дадут нигде. И право после окончания сразу сдавать экзамены на должность среднего, а не низшего ранга – тоже. Из любой другой школы я пойду на низший экзамен. И служить начну младшим подавальщиком старшего подметальщика.

Это долгий путь. Слишком долгий. А я хочу, чтобы ты дожил. Чтобы ты мог гордиться мной.

Эти слова он ни разу не произнес вслух. Но Лисий След понимал... он отлично все понимал. И не хотел, чтобы негаданно обретенный сын каждодневным унижением платился за свою любовь. Он никогда не принял бы жертвы.

– Какая жертва, отец? Думаешь, хоть одно слово этих богатеньких деток может меня задеть? Да пусть обзывают, чем

только в голову взбредет – мне до них и дела нет. Кто они мне, чтобы я их слушал – друзья, братья? А драться со мной они не полезут. Я бы им не советовал.

Лисий След в конце концов уступил. Он не хотел ломать волю сына, заставляя его и лишая его права выбора – а никаким иным образом что-то сделать он не мог. Трудности закаляют душу. И если Ночной Ветер выбрал их – это его право.

Что ж, трудностей у Ночного Ветра с первого же дня было хоть отбавляй.

Тощий и в свои двенадцать лет малорослый – вытянулся он позднее – он выглядел даже младше своего возраста: голод времен осады все еще сказывался. А его одноклассникам было четырнадцать, и холеные балованные сынки вельмож быстро сообразили, как травить его со всей изобретательностью, не поднимая руку на малолетнего шкета. Нет, они и правда не били его. По крайней мере, первыми. Драку всякий раз начинал он сам – и сражался беспощадно, не сдаваясь нипочем. В одиночку одолеть его не мог никто. Ему и в самом деле было наплевать, что эти недоумки говорили о нем – но вот когда они посмели говорить гадости о его приемном отце...

Разумеется, дома он никогда не говорил, почему подрался. И никогда не допустил бы, чтобы Лисий След пришел в школу выяснять, в чем дело. Он безмятежно врал, выдумывая какие-то мелкие поводы, и смеялся: “Ничего-ничего,

отец, ты бы видел того парня!” Лисий След лечил синяки и кровоподтеки, и вера его в безобидность очередной причины школьных драк, несмотря на привычное доверие, таяла с каждым днем. Он был опасно близок к тому, чтобы вмешаться, и Ночному Ветру стало все труднее сочинять отговорки. Оставалось надеяться разве что на чудо. И чудо случилось.

Заводила травли перед всем классом и учителем земно поклонился ему и попросил прощения. Не за то, что травил его – а за гадости, сказанные о его отце.

Сын генерала был общепризнанным вожаком класса. Травля прекратилась, словно по волшебству.

Как ни странно, Дани потом даже сдружился со своим бывшим преследователем. Ведь теперь тот и сам был готов и словами, и кулаками объяснить любому, что Лисий След – человек высокого мужества.

– Даже не пойму, как у меня тогда язык повернулся все эти пакости говорить, – с горечью признавался он. – Совсем головой не думал. Просто видел – чужак ты. Другой. Совсем непонятный. Даже страшный немного, наверное. Тебе двенадцать, а ты знаешь больше любого из нас. А при этом не нашего поля ягода. Совсем не нашего. Даже прозвание у тебя самое что ни на есть уличное. Как у побродяжки, понимаешь?

– А я и был побродяжкой, – отвечал Ночной Ветер. – Это и в самом деле прозвание из уличных. Но я не сменю его ни за что. Оно принесло мне удачу. Оно принесло мне моего отца.

А от него я никогда не откажусь, ни за что. И от прозвания – тоже.

Сменить прозвание на более шикарное означало для Ночного Ветра и предать, и сдаться.

Он не предал и не сдался.

По сравнению с мытарствами первых лет обучения среди вельможных отпрысков экзамены на должность оказались плевым делом. Против закаленного бойца, позабывшего сам смысл слова “сдаться”, даже у самого предубежденного экзаменатора не было шансов. Ночной Ветер был прав в своем выборе – и не зря выстоял травлю. Любая другая школа при сдаче экзамена в столичном округе не дала бы ему и половины шанса. И так из должностей среднего ранга он получил самую малозначительную – даром, что экзамен сдал вторым из первой восьмерки кандидатов. Но все же это был средний ранг, и они с сыном генерала славно повеселились, отмечая удачное начало. Вот и еще один урок, извлеченный из пребывания в лучшей школе столицы: богатство и знатность могут изрядно заморочить юным соплякам голову, но вовсе не обязательно они еще и застыт совесть. И если кто-то возьмет на себя труд проветрить такому сопляку мозги, пока еще не поздно, сердце возьмет свое.

Дани часто виделся со своим школьным другом, пока его самого не перевели служить в Далэ. Провинция, да – но ведь не захолустье какое-то. Первый по значению из всех округов страны. Потому что Далэ не просто окружной центр, один

из двенадцати общим счетом, нет. Именно в Далэ рождается на свет хрупкое чудо этого мира – фарфор. Будь то тяжелые вазы или тоненькие, как яичная скорлупа, чашечки, расписные фигурки или облицовочная плитка – да мало ли что еще, любой фарфор для любой надобности – производят его только в Далэ и нигде больше. Само собой, из всех городских и окружных управ фарфоровая – самая главная. И перевод в фарфоровую управу Далэ даже на равную должность – это перевод с повышением. А должность была посерьезнее столичной.

Если бы только не разлука с отцом! Они писали друг другу постоянно, но писем было мало, мало, мало! Переехать из столицы в Далэ Лисий След не мог, разве что отлучиться на время, Ночной Ветер мог покинуть службу только в законные отпускные недели, и возможность навещать друг друга им двоим выпадала редко, так редко! Когда пару лет назад его школьный друг перевелся служить в Далэ, Ночной Ветер обрадовался вдвойне – ведь теперь рядом с ним будет человек, который видел отца, с которым можно поговорить о нем!

Но и разлука не заставила Дани сдаваться. Он работал в полную силу, не позволяя себе ни малейших поблажек – хотя на него как на новичка наваливали самые нудные, а зачастую и почти бессмысленные дела и обязанности. Именно ему и поручили разобрать давно валявшиеся архивные бумаги, попорченные дождем, когда в здании протекла крыша

во время урагана. Бумаги частью слиплись, частью проплевнели, текст почти везде поплыл. Приходилось не столько читать, сколько догадываться. Любой другой на месте Дани махнул бы рукой и списал все это барахло по активровке, как не поддающееся восстановлению. Но Дани не был любым другим. Он кропотливо отработывал каждый траченный плесенью обрывок, каждый полусмытый лист. И его усердие принесло свои плоды.

Среди старых, никому не нужных записей он обнаружил такое, что поначалу сам себе не поверил. Это была удача! Несомненная. Невероятная.

И недолгая.

Потому что она привела его под арест. Пусть и домашний – но ведь это дело времени.

В его пользу нет ни одного свидетельства, ни одной улики. Ничего.

И вряд ли кто-то решит замять дело только потому, что в сообщниках у него числится большой вельможа.

Старый друг ничем не может ему помочь. Он уже сделал все, что возможно – дал показания, что давно знает Дани и уверен в его честности. Такое свидетельство – что соломинка. Обуха обвинения ей не переломить. Но большего ему не сделать.

Большого никому не сделать. Особенно Ночному Ветру.

Осажденный врагами Интон ушел в прошлое. Гулкие школьные классы ушли в прошлое. Ни отец, ни друг не

властны более помочь ему. И сам он над своей судьбой более не властен.

Боец, у которого отобрали оружие и связали по рукам и по ногам.

Ночной Ветер связан – как никогда прежде.

Это сводило с ума.

Лишиться всякой надежды на борьбу. Всякой надежды на хоть какую-нибудь весточку с воли. Его друг дал показания в его пользу – не замазает ли его дружба с подследственным? А отец? Что подумает он, когда до столицы докатится весть о его аресте? И что скажут люди? Что Дани Лисий След воспитал преступника? Боги и духи – за что?

Снаружи донесся звон колокола – не главного, отбивающего часы, другого, с менее глубоким и низким звуком. Он отбивал листы внутри часа. Первый лист миновал. К окончанию второго распахнется дверь, и охранник внесет в дом ужин для арестованного.

К окончанию второго. Не первого! Не сейчас! Не теперь!

Но ведь не померещилось же ему!

И Ночной Ветер опрометью рванулся к входной двери.

И застыл, услышав самый родной на свете голос.

– Я могу войти?

– Вы можете войти, – ответил охранник. – Но я обязан предупредить вас о последствиях.

– Я помню их и полностью согласен.

– По правилам я обязан напомнить вам о них. Тот, кто

входит в жилище содержащегося под домашним арестом, не имеет права покинуть его, пока арест не будет снят. Разделивший содержание под домашним арестом разделит и судьбу арестованного, будет он признан виновным или нет. Если вы хотите войти, вы должны подтвердить, что полностью понимаете последствия для вас и согласны на них.

– Понимаю и согласен. Я могу войти?

Только тут Ночной Ветер отмер.

– Нет! – вскричал он. – Нет!!!

Да пусть его самого хоть в чем обвиняют, пусть хоть на куски порвут – но только его одного!

– Ветерок, – мягко произнес Лисий След, переступив порог, – я ведь всегда уважал твой выбор, даже если и не был согласен. Не лишай и ты меня права сделать свой.

– Но как... почему... – беспомощно выдохнул Ночной Ветер.

– Я узнал про обвинение, – ответил Лисий След. – И приехал.

– Но ведь это... как ты мог так с собой поступить... а если обвинение не снимут?... отец, зачем ты?..

– Хотел, чтобы ты знал, – очень просто ответил Лисий След, – что я тебе верю.

И Ночной Ветер рухнул, обняв колени человека, ставшего ему когда-то отцом... нет – больше, чем отцом.

Когда в сыскную управу ворвался перепуганный здоровяк

с известием об утопленнике с проломленной головой, сыщик Шан изо всех сил старался отказаться от великой чести, которая ему и даром не нужна, и даже с приплатой. Наверняка напрасно – но ведь попытаться-то стоит. Вдруг хотя бы на этот раз получится? Может, если бы Най хоть словечко вставил, вдвоем бы им удалось – но нет, треклятый парень молчит, словно в рот воды набрал, даром что напарник! Можно подумать, ему все равно. Вот навяжут им обоим очередного лончака, живо вспомнит, сладки ли незрелые сливы!

Лончаков Шан откровенно не любил.

Хотя, если вдуматься – а кто их любит?

Ученик, подмастерье – дело нужное, кто бы спорил. Конечно, и ученики попадаются всякие. Бывают и ленивые, и вороватые, и тупые, и любители прикладываться к хмельному... одним словом, всякие. Но любой ученик знает главное: он пока еще ничему не обучен и ничего не умеет. На то он к наставнику и пришел, чтобы учиться, а не нос задирать. Ну, а опытный мастер и сам ремесло знает. Но лончак! Но вчерашний подмастерье, только-только прошедший выучку и оттого возомнивший, что он уже все знает и умеет! Этакая радостная розовощекая самоуверенность. На то лончаку и дан год работы под присмотром, чтобы понял – не скакун он еще покуда, а жеребенок-годовичок. Но пока не поймет, пока не обзаведется хоть каким-то опытом, хуже нет, чем эту нахальную брыкливую скотинку на корде гонять. Занятие это, конечно, почетное – кому попало под присмотр лончака не

доверят – но уж лучше восемь духов неудачи в дом, чем один лончак под твою руку. Мороки меньше.

Лончаков Шан не любил, и они платили ему полной взаимностью. При первой же возможности, едва только от обязанности опекунов освобождался кто-то еще, лончаки слезно молили перевести их от Шана и Ная к другим напарникам. Начальник управы неизменно соглашался на их просьбы – а потом, спустя самое малое время, озадачивал Шана очередным свежеиспеченным лончаком. Возможно, потому, что вырвавшись из-под сурового присмотра Шана, у других опекунов эти юные умники ходили тихо, глядели смиренно, а главное, учились охотно – паиньки, да и только! А ведь ни Шан, ни Най ничего плохого им никогда не делали. Но и потакать самоуверенной бестолочи нужным Шан не считал.

И вот вам, напарники, очередной лончак, извольте радоваться. Молодой да зеленый, ни дать, ни взять – крапива весенняя.

Новый лончак не понравился Шану даже больше обычного. Совсем еще сопляк. И кто его только в таких годах из ученичества выпустил? Тело, еще не успевшее толком избыть недавнюю подростковую угловатость, лихая челка, глаза с озорным прищуром. Даже прозвание у этого юнца несерьезное – Воробей. Тье Воробей. Ну, и куда это годится?

Впрочем не Шану прозваниями считаться. Тому, кто с детства был единодушно наречен Храмовой Собакой, лучше бы о таких вещах и не заговаривать.

Подумав ненароком о своем нескладном, как и он сам, прозвании, Шан досадливо засопел, сбился и поневоле замолк, собираясь с мыслями.

Тут-то в управу и вбежал с воплем: «Там! Убили! Утопили! По голове!» – заполошный крепыш.

Начальник управы просиял.

– Вот вам и работа, всем троим.

И Шан с отвращением понял, что отказаться от высокой чести опекать лончака ему и на сей раз не удалось.

Все, что он мог – принять задание, поклониться и вместе с напарником, прихватив с собой лончака, отправиться вслед за всклокоченным вестником убийства.

Впрочем, убиенный посредством утопления по голове оказался хоть и без сознания, но вполне живым. Как успел поведать по дороге потрясенный событиями вестник, жив он остался, главным образом, заботами Ласточки. Той, которая Забияка.

Бывшую Забияку Шан знал с детских лет и испытывал к ней изрядную симпатию. Между ними было много общего. Они оба родились в нищете. Их ветхие хижины стояли по соседству. Забияка была девчонкой, Храмовая Собака был старше годами, но это не имело значения. Их объединяло куда более важное – обостренное чувство справедливости. А еще – внешность. Оба они, хотя и на разный лад, были некрасивы. Шан со своим обликом кое-как свыкся – но ведь

женщине такое тяжелее достается, верно? Вот почему он был рад до ошеломления, когда Забияку присватал рисовальщик Бай. Шан иногда захаживал к ним гости – часто навещать у него за недосугом не получалось, работа съедала слишком много времени. Доводилось ему, впрочем, как раз во время работы встречать Забияку – отныне Ласточку – вместе с мужем на праздничных гуляниях. Выглядели они рядом забавно. Рослая Ласточка рядом с хрупким мужем смотрелась, как дуб рядом с тростинкой. Но опытный сыщик Шан не обманывался: его пронизательные глаза видели, что в этой паре именно тростинка – опора для дуба, а не наоборот. Художник любил жену, и беззащитная нежность этой любви вливалась в Ласточку силу на всевозможные свершения. Шан не знал, каким образом Ласточка очутилась на месте происшествия – но раз уж она там очутилась, кому же еще спасти погибающего, как не ей!

Однако не только Ласточка возвышалась над сотоварищами по закатной страже, словно пожарная каланча. Почти вровень с ее головой маячила еще одна. Ну надо же – Дылда! То есть стражник Лан, разумеется. Тоже приятель детских лет. А значит, ничего не подделаешь – опрос свидетелей Шану вести не придется. Правила на сей счет строги: личное знакомство со свидетелем недопустимо. А тут сразу двое знакомцев.

Шан сердито засопел.

– Так, лончак, – бросил он, не оборачиваясь. – Пока сы-

щик Най свидетелей спрашивает, пойдешь со мной к лекарю, будем труп осматривать... тьфу – то есть потерпевшего!

Не дождавшись ответа, Шан все же оглянулся. Лончака рядом с ним не оказалось. Шан начинал закипать: наглость, конечно, наглостью, но и она должна иметь пределы. Ну, вот куда запропастился этот бездельник?

Бездельник обнаружился в доме квартального лекаря. Именно он помогал лекарю внести носилки с пострадавшим в приемную комнату. Ну, молодец, мальчик. Ты тут вообще зачем? Ты кто – носильщик? Или все-таки подопечный по сыскному делу?

– Сюда его клади, сюда, – пыхтел толстенький седоватый лекарь. – Вот так, осторожнее... спасибо, дружок, можешь идти.

– Да зачем? – лучезарно улыбнулся Тье. – Давайте я вам лучше помогу. Две пары рук все-таки быстрее справятся. А меня учили.

Будущих сыщиков действительно учили основам лекарского ремесла. Вот только обычно наука шла им не впрок. По крайней мере, поначалу.

– В самом деле? – с сомнением протянул лекарь. – Ну, тогда поди сюда, посмотрим, чему тебя там учили.

В первое мгновение Шан озлился окончательно. Но – только в первое. А во второе оценил прелесть замысла.

Труп можно осматривать не спеша. И раны с него никуда не денутся. А вот когда речь идет об осмотре человека, кото-

рый трупом покуда не стал, но может им стать, если помощь запоздает, все меняется. Первичный следственный осмотр бесценен. Первая лекарская помощь – тем более. Как часто потерпевший умирал, потому что сыщики осматривали его до лекаря! Сколько бесценных следов было уничтожено, потому что лекарь добирался до пострадавшего раньше сыщиков! Похоже, парнишка нашел идеальный выход из положения – провести следственный осмотр не до лекаря и не после, а совместно. Лекарь будет лечить, а сыщик – осматривать.

Неужели добрые духи послали Шану лончака, который действительно умеет думать?

За это можно простить все. И почти мальчишескую поведку, и дурацкую челку, и нахальные глаза, и самоуправство, а главное – статус лончака.

Шан шагнул поближе к лекарскому столу.

– Я тоже помогу. – Сказанное им звучало не как предложение, а как неотменимый факт. Лекарь пробурчал что-то неразборчиво, но смирился. Вот и хорошо, вот и ладно. Не может ведь сыщик Шан свалить первичный осмотр полностью на лончака. Думать Тье умеет, это уже ясно – а вот умеет ли он правильно осматривать потерпевшего, знает ли, на что надо обязательно обратить внимание?

Тье знал.

Шан не подсказывал ему, не поправлял. Он только приглядывал – на случай, если придется вмешаться – и проверял.

Тье помогал лекарю – без суеты и с пониманием. Но и своим прямым делом заниматься не забывал. Шан наблюдал, как кончики пальцев Тье легкими, почти невесомыми касаниями ощупывают область вокруг раны. Как Тье осматривает рот, как обследует пальцы и ногти, проверяет, нет ли на теле других повреждений – и при этом остается на подхвате у лекаря, да так, что тот и не замечает, что творится. Парень, да тебе цены нет! Лончак ты там или кто – но ты первый, кого Шан не попытается спихнуть другим опекунам. Спихнуть? Это вы о ком? Никому не отдам, самому нужен!

– Ну вот, я закончил, – произнес лекарь, когда рана была зашита и забинтована. – Можете приступать.

– Да мы вообще-то уже, – признался Шан.

– Почти, – подхватил Тье. – Хотелось бы еще разок взглянуть.

– Взгляни, – одобрил Шан.

Тье вновь осмотрел бессознательное тело, внимательно ощупал мускулы, слегка помял пальцы, оглядел и потрогал стопы. Потом подошел к тазу, в который была поспешно брошена снятая с пострадавшего мокрая одежда, и принялся ее изучать.

– Довольно. – Шан прищелкнул пальцами. – Время вышло.

Тье полонил темную от воды тряпку обратно в таз и выпрямился.

– Что в протоколе писать будешь? – спросил Шан.

Осмотр парнишка ведет вроде бы с понятием – но проверить, что именно он понял, никогда не мешает. К тому же способность вникнуть и способность изложить свои наблюдения – совсем не одно и то же.

– Пострадавший – мужчина, – послушно начал Тье тем тоном, которым полагается делать доклады начальству. – На момент осмотра находится без сознания. Предметов, способных так или иначе удостоверить его личность, при себе не имеет. В общем, – добавил он, сбиваясь с официального тона, – портрет рисовать придется...

– А ты умеешь? – прищурился Шан.

Вопрос далеко не праздный. Каждому сыщику полагалось уметь рисовать. Ну, может не как художнику, который этим ремеслом себе на хлеб зарабатывает – но так, чтобы неизвестную жертву преступления по рисунку можно было уверенно опознать, а место преступления выглядело разборчиво даже для того, кто не видел его в натуре. Но между «положено» и «на самом деле» расстояние иной раз побольше, чем от истока реки до ее устья. Больше, чем лекарскими умениями, будущие сыщики во время обучения пренебрегали именно кистью. Предыдущий лончак, помнится, даже жалобу на Шана подал, когда Храмовая Собака, окончательно озверев, запер его в морге Следственной управы и поклялся, что не выпустит, куда тот не нарисует портрет, по которому жертву можно опознать если и не в лицо, то хотя бы просто как человека.

– Умею, – спокойно ответил Воробей.

– Это хорошо. Продолжай.

– Приблизительный рост – около десяти пядей.

Правильно, что приблизительный. Определять точный рост лежащего без сознания трудно даже и не на глазок. Кстати, глазомер у Воробья отличный.

– Предполагаемый возраст – около пятидесяти-пятидесяти пяти. Телосложение среднее, мышцы хорошо развиты, без дряблости. Возрастные изменения слабо выражены. Волосы с проседью. Кожа гладкая, ухоженная. Ногти чистые, аккуратно подстриженные. На пальцах под кожей прощупываются следы мозолей. Стопы гладкие, без характерных «натоптышей», мускулы ног сильные, но не переразвитые. На левой ноге выше колена – старый шрам характерной «вынутой» формы, рубцы искривленные, рваные, окраска белая. Других особых примет нет.

– Согласен, – кивнул Шан. – Излагай дальше.

– На момент обнаружения был одет в неформальный верхний наряд «ань» из плотного темно-коричневого шелка с вышивкой «зимние листья» и штаны из такого же шелка и светло-кремовую нижнюю шелковую рубашку. На левой руке – простое гладкое кольцо из бело-коричневой крапчатой яшмы без печатки. Головные шпильки отсутствуют. Волосы закреплены в прическу плетеным шнурком и короткой заколкой-пряжкой из такой же яшмы. Других украшений не имеется. Обувь отсутствует.

Умница, молча порадовался Шан. Мальчик и вправду умница. Никаких «обувь слетела при падении в воду», никаких предположений вместо фактов. Он отлично понимает, чем отличается протокол от домыслов. А ведь обычно лончаки так и рвутся напихать в протокол побольше скороспелых идей. Пока объяснишь им, как надо, пока заставишь переделывать, и не по одному разу, семь потов прольешь и восемь духов-хранителей проклянешь. А вот Тье знает, как надо. Кто его, интересно, научил – да так, что он понял и запомнил? Шан ведь обычные ошибки вчерашних учеников знает наперечет – и до сих пор Тье ни одной из них не совершил.

– У тебя кто в семье из сыщиков? – наугад спросил Шан.

И попал в яблочко.

– Отец, – с гордостью ответил Тье.

Что ж, это многое объясняет.

– И с каких лет он тебя натаскивал? – поинтересовался

Шан.

Тье засмеялся.

– Я читать учился по «Правилам осмотра места происшествия».

Ничего себе чтение для ребенка! Хотя если детям что в голову втемяшится – нипочем не удержишься. Хоть ты прячь от них взрослую книжку, хоть не прячь – да хоть в сундук засунь и на дно морское опусти! – все едино найдут и прочитают.

Оно и к лучшему. Чем с бестолочью возиться, пусть уж

будет такой вот Тье. Толковый парень – и, похоже, правильный. Не стал просить, чтобы его избавили от прохождения службы лончаком – а при таком отце мог бы. Неужели Шану в кои веки повезло с подопечным?

– Подходяще, – одобрил Шан. – Ладно, излагай дальше.

– По словам свидетеля, пострадавший на момент обнаружения находился в воде лицом вверх.

Не самое, между прочим, обычное положение тела. А Тье – молодец. Есть чем его отцу гордиться. Тот перепуганный силач, который прибежал за помощью в управу, говорил по обратной дороге, что несостоявшийся утопленник болтался в реке лицом вверх, и Шан эту странную деталь привычно отметил и запомнил. Оказывается, Тье ее тоже не пропустил.

– Согласно словам свидетеля, пострадавший стал жертвой истинного, оно же мокрое, утопления, выявленном при оказании первой помощи. При лекарском осмотре и лечении первичный диагноз подтверждается. На затылке пострадавшего имеется рана. Кровотечение обильное. Края раны рваные, разбухшие. Длина раны около пяти с половиной пальцев. Направлена сверху вниз и справа налево. В верхней части рана глубже, чем в нижней. Сухожильный шлем рассечен. Кости черепа, насколько можно судить при прощупывании, целы. Других повреждений на теле нет. Дыхание пострадавшего затрудненное, неровное. Требуется помощь врача.

Лекарь, сложив руки на животе, слушал с видом благост-

ным и даже умильным, время от времени кивая. Ай да Воробей!

– Все верно, – изрек он. – Если там внутреннее кровоизлияние... в общем, без врача никак не обойтись. Мало ли, что череп цел...

– Понимаю, – кивнул Шан и вновь обратился к Тье. – Ну, если не для протокола – что ты сам думаешь?

Правила Воробей знает, это уже ясно. Но на одних правилах далеко не уедешь. К любому делу талант нужен.

– Думаю, это покушение на убийство, – твердо ответил Тье.

– Чутье подсказывает? – недобро сощурился Шан.

Если он что терпеть не мог, так это самоуверенные заявления лончаков насчет чутья. Да откуда у тебя чутью взяться, умник! Ты сперва поработай годик-другой, тогда оно и появится. Не бывать чутью прежде опыта.

И как же будет жаль, если сметливый Воробей тоже начнет ссылаться на чутье.

Тье помотал головой.

– Не чутье, – возразил он. – Положение тела в воде. И рана.

– Ну-ну, – неопределенно хмыкнул Шан. – Излагай.

– Он ведь лицом кверху плыл, так? – начал Тье. – Редкое дело, чтобы утопленник так плыл. Хоть сам топился, хоть случайно в воду упал. Больше всего похоже, что причина в одежде. Плотный шелк образовал что-то вроде воздушного

пузыря, который не дал телу повернуться.

– Похоже на правду, – признал Шан. – Продолжай.

– Если сам топился, такого бы не случилось. И если в воду упал случайно, но в сознании, тоже. Даже если он плавать не умел – стал бы звать на помощь, биться, вот и сбил бы пузырь...

– Слабовато, – поморщился Шан. – Но допустим. К чему ты ведешь?

Он отлично понимал, к чему клонит Воробей. Но нужно, чтобы лончак сказал это сам.

– В воду он упал уже без сознания. Тогда и сформировался пузырь. Так он дальше и плыл лицом кверху. Не приходя в себя. Волны заплескивали в лицо, вода попала в дыхательные пути.

В общем, похоже на правду. Утонувший не может повернуться сам лицом вверх. А вот остаться в этом положении – может. И тогда единственный способ, которым вода способна попасть в легкие – тот, который и назвал Тье. Конечно, допущений тут многовато, но все они, в общем, вероятны.

– Чтобы положение тела в воде не изменилось, он должен был оставаться без сознания. Просто плыть по течению. Но если он при таком положении тела наткнулся головой на какой-то предмет в воде, рана должна быть на темени.

– Если она и вообще должна там быть, – поправил Воробья Шан. – Прическу не забудь.

– Точно, – подхватил Тье. – И нашли бы мы сейчас у него

на голове следы удара на темени, а не рану на затылке. Да и направление раны... сверху вниз и справа налево. Так бывает, если сзади по голове садануть чем-нибудь. Не дубинкой, конечно, вид был бы другой. А если, скажем, камнем...

– А если без «если»? – фыркнул Шан.

Конечно, все эти милые выводы покуда висят в воздухе. Но парень умеет их делать, и неплохо.

– А без «если», – тряхнул челкой Тье, – ударили его не дубинкой, не палкой, а твердым предметом, зажатым в руке. Ударил правша, ростом несколько ниже потерпевшего, физически не очень сильный.

– Почему? – тут же перебил его Шан.

– Сухожильный шлем рассечен, но череп не пробит, – немедленно ответил Тье. – Будь убийца выше ростом и сильнее, он бы просто раскроил ему череп.

– Ну что ж, – раздумчиво произнес Шан, – если это и правда попытка убийства, то твои выкладки имеют смысл. Впрочем, там видно будет. Ну, а насчет личности пострадавшего соображения есть?

– Есть, – ответил Тье с суровой юношеской решимостью.

– Выкладывай, если есть.

– Думаю, он какой-нибудь ли. Скорее всего.

– Обоснуй, – потребовал Шан.

– Ну, вариант, что он ремесленник или слуга, сразу отпадает, – улыбнулся Тье. – Одет не бедно, руки ухоженные.

– Хорошо, – кивнул Шан. – А почему бы не торговец?

– Торговец бы за те же деньги оделся попышнее, – уверенно возразил Тье. – А этот... шелк, да – но коричневый. Оно конечно, вышивка «зимние листья» – красота, как она есть. Но это для того, кто понимает. Торговец другую бы вышивку заказал. Пионы, к примеру, или другое что в этом роде. А вот для ли среднего достатка такая вышивка в самый раз. И красиво, и нарядно, и со вкусом.

– Маловато будет, – покачал головой Шан. – Это все?

– Есть и еще. Торговец человек мирный. Знай себе посиживай в лавке и денежки считай. К нынешним своим годам он бы жирком оброс, телом одряб. И пальцы у него были бы без мозолей. А у нашего пострадавшего на пальцах мозоли – как раз такие, как от меча бывают. Старые – но не изглаженные. Получается, с военной службы ушел, но совсем фехтование не забросил. И шрам у него над коленом – я такие видел, это от стрелы. С зазубренным наконечником. Тащили, как умели, прямо с мясом выдернули, рана все-таки зажила, а выем остался. Наверное, тогда его вчистую и уволили.

– Складно излагаешь, – признал Шан. – Дальше.

– Пешком ходит много и часто, но не до изнеможения, а в охотку.

– А это почему?

– Мускулы ног сильные, крепкие, а стопы не сбиты.

– И опять же похоже на правду.

– Думаю, он и на этот раз шел пешком. Бывший вояка, лицом к лицу его не просто бы одолеть. Напали сзади, по за-

тылку саданули и в воду скинули. Крепкое тело, старая рана, еще со времен войны, руки, знакомые с мечом. Одежда богатая, но не роскошная, зато с большим вкусом. Привычка ходить пешком. По всему получается – какой-то ли.

Мальчик рассуждает неглупо. И похоже, он прав. А ведь это очень важно – поточнее определить, к каком кругу принадлежит пострадавший: проще будет разузнать, кто он такой.

– Верно, лончак, – признал Шан.

– Неверно, лончак, – послышалось от двери.

Покуда Шан и Тье занимался потерпевшим, Най закончил опрос свидетелей – и теперь стоял, опершись о дверной косяк, с таким видом, словно все преступники и потерпевшие этого мира – его личная собственность, и он знает о них все, что только можно знать.

Вот же ведь послали духи напарничка!

Не иначе, как пошутить решили.

До королевской реформы, объединившей Верхний и Нижний сыск в единую следственную управу, Най служил, разумеется, в Верхнем сыске, причем в столице – и что ему там не сиделось? Нет же, явился, не ждан, не зван, будто ему здесь шелками выстелено!

Шан служил в Нижнем сыске, и из Далэ никогда не выезжал. Именно здесь он прошел весь путь от стражника до сыщика, от Караульной управы до Следственной. И никто ему ничего на фарфоровом блюде не подавал – сам всего добил-

ся.

Это Вьюну подавали – ведь он был из аристократов, и не ли какой-нибудь мелкий, и даже не ло, а лэ – большой вельможа. К его услугам было все – отменная еда, богатая одежда, теплый уютный дом, проворные слуги и наилучшие учителя.

Храмовая Собака был простолюдином, причем самого низшего ранга – ши. С детства жил он впроголодь, одевался в обноски, дрожал от холода зимой в ветхой хижине и надрывался на любой поденной работе, какую только удавалось найти, а уж какого лютого труда ему стоило выучиться грамоте, чтобы сдать экзамен в Следственную управу, только он один и знал.

А еще Най был красив, как бог. Нет – как три бога сразу. Ясные глаза под умопомрачительным разлетом тонких бровей, линия скул, четкая и выразительная, как взмах крыла, правильный нос, сильный улыбчивый рот и отличной лепки подбородок – да каждая из его черт могла бы преобразить любое заурядное лицо в красивое, и то, что природа так щедро отсыпала все это богатство одному-единственному человеку, было своего рода несправедливостью. Тело его не уступало лицу – стройное, ловкое, одно слово – Вьюн. В общем, не парень, а девичья погибель.

Шану внимание девушек не грозило. Он был некрасив, и прозвание свое – Храмовая Собака – получил недаром. Статуи таких собак восседали у дверей храма Зари – лобастые,

большеголовые, разлапистые. Шан походил на них до смешного. Крупная голова его крепко сидела на коренастом теле без малейших признаков изящества. Чурбан неотесанный, да и только. Лицо было под стать телу – казалось, природа наспех вытесала массивные черты, приладила под густыми бровями небольшие глазки и предоставила их обладателю жить с такой внешностью, как доведется.

И все же Шан не завидовал Наю.

Он был бы рад ему позавидовать хоть раз – это было бы в порядке вещей. Но нет – Храмовая Собака Вьюну не завидовал.

Он его ненавидел.

А теперь несносный Вьюн напал на лончака. На первого толкового лончака за все годы службы Шана. На *его* лончака – ведь Шан принял парнишку, как своего. Да, Шан почти никогда не разговаривал с напарником напрямую, разве что по делу и в очень крайнем случае. Но это и был тот самый крайний случай.

– С какой это стати? – огрызнулся он.

– Нет, сам ход рассуждения вполне верный, – сказал Най лончаку, напрочь игнорируя Шана. – А вот вывод неправильный. Но тут любой бы ошибся, не только новичок. Не расстраивайся. Просто ты не знаешь этого человека.

– А ты, само собой, знаешь, – буркнул Шан, адресуясь не столько к Наю, сколько просто так, в воздух.

– Знаю, – кивнул Най, обращаясь по-прежнему к Тье. –

Еще по столице.

Ну, кто бы сомневался!

– Третьего дня я посылал ему поздравление с днем рождения. Мне с моей нынешней службой по знатым домам шастать не с руки, но ведь и не поздравить нельзя.

Тонкости этикета в исполнении Ная Храмовую Собаку интересовали мало. Другая деталь его зацепила. И умница Воробей ее тоже не упустил.

– Знатым? – прищурился Тье.

– Именно. Наш пострадавший – не ли. Он лэ.

– Из большой знати, получается... – раздумчиво произнес Тье.

Плохо дело. Большой вельможа – большие проблемы.

– Очень, – кивнул Вьюн. – Стороннему человеку с ходу не понять, потому что в привычках он прост, но выше знати в Далэ не найти. Это Государев Наставник Тайэ. И то, что он сейчас в отставке, ничего не меняет.

Как сказать – для троицы сыщиков отставка этого человека меняла все. Не будь ее, сидел бы он себе в столице и горя не знал. Так ведь нет же, прикатил в родные края, чтобы оказаться в реке с разбитой головой, а потом – на столе у квартального лекаря. Заварилась каша – а кому расхлебывать?

Влипли, сыщики. По самое темечко влипли.

От жилища лекаря до городской усадьбы Тайэ – не ближний свет, да к тому же двигаться приходилось в обход, ми-

ную людные улицы. Вдобавок Най на всякий случай для сопровождения послал за стражниками в Караульную управу – и не обходящими по разверстке, а именно стражниками. Причем чтобы не из Закатной стражи – мигом ясно станет, что случилось что-то совсем уж скверное, раз людей нагнали, сняв их с обычного обхода – а из Полуденной, уже сменившейся. Прямо из дому сдернул. Но тут уж дело такое, что возмущаться не приходится. Тем более, что за срочность и важность службы сыщики посулили стражникам сверхурочные – так отчего бы и не сопроводить?

Сопровождающие стражники шли не рядом с носилками, а впереди и позади, группами по двое-трое, и вполне удачно делали вид, что они тут вовсе по своей частной надобности. На них даже одежда была обычная, не форменная – Шан настоял для пущей тайности. Одним словом, наставники Тье попались толковые, грех похаять. Сами же сыщики несли Наставника Тайэ на носилках со всем бережением, то и дело сменяясь. Шан, недавно подменивший Тье, мрачно помалкивал – в отличие от Ная.

– Попал ты, лончак, знатно – прямо из конюшни на большие скачки, – спокойным, даже скучным голосом говорил Най идущему возле носилок Воробью. – Хоть ты и годовичок, а бежать будешь, как настоящий скакун. И спрос с тебя будет настоящий, без поблажек. Со всех нас будет. Потому что дело это скверное. Очень. А размотать нам его надо быстро. Пока на наш хребет проверяющие из столицы не об-

валились. Упустим хоть мелочь – тут не пух и перья, тут головы полетят. И наши головы – первыми. А кроме нас, никто за него не возьмется. Дураков нет.

– А разве дело могут кому-то передать? – спросил Тье.

– И да, и нет, – ответил Най. – Обычно по уставу кто первый на происшествие прибыл, тому его и работать. Если повода для отстранения нет.

– А разве сейчас повод есть? – удивился Тье.

– Формально – есть. Я ведь с Наставником Тайэ знаком, и с женой его, и из столичной прислуги он наверняка с собой кого-то взял. Я их опрашивать права не имею. Выпади другой случай, у нас бы это дело забрали. А за такое расследование никто доброй волей не возьмется – кому охота голыми руками каленое железо хватать!

– Но ведь начальник управы может приказать...

– Может, – кивнул Най. – Но не будет. Он у нас и сам сыскарь настоящий и к тому же человек умный...

Тье хмыкнул.

– А ты не хмыкай, лончак, бывает и с начальством, что боги ум отвесили не на фальшивых весах. Будь спокоен, он понимает, что нельзя отдавать приказ, если точно знаешь: выполнен он не будет. Любой сыщик, которому он попытается передать это дело, найдет, как получить отвод. И предлог для отвода найдет повесомее моего – не подкопаешься. И винить за это нельзя. Тяжелым ответом за промах отвечать придется. Слишком тяжелым. И не только тому, кто ошибся,

а всей управе. Ведь не кого попало в реку скинули, а государева наставника, и король к нему сердечно привязан, отставка там или не отставка. Кто поручится, что это не заговор? Ошибется один сыщик – а отвечать всем.

– Ну... такое дело обычно поручают самым лучшим...

– А мы и есть лучшие, – невесело усмехнулся Най. – Кроме самого начальника. Но у него сейчас на руках другое следствие, и тоже мутное. Сам взял, ни на кого переваливать не стал. А после него первые – мы. Так что привыкай ходить в первых, лончак. Только смотри, не оступись, стараючись.

– Придется не оступиться, – кивнул Тье.

– Правильно понимаешь. Всем нам... придется. Даже если это был несчастный случай, хотя вот уж во что я не верю. Не такой Наставник Тайэ человек, чтобы ни с того, ни с сего рассадить голову и в реку свалиться. Зная его, в это нельзя поверить. А если это покушение – ну, у человека на такой должности и завистников хватает, и недоброжелателей, и просто врагов. Но все они в столице. И для большей их части вся вражда и зависть с его отставкой утратила значение.

– А если месть за прошлое? – предположил Тье.

– Тогда нити опять же тянутся из столицы. Далэ – город хоть и большой, но отследить в нем приезжего можно. Трудно – но можно. Даже если исполнитель здешний, нанимал его кто-то из столицы. Не сам, конечно – посылал доверенного человека. Неприметного кого-нибудь. Вряд ли ты представляешь себе, сколько народу перешерстить придется. Но

это совсем не безнадежно. А вот если покушение со служебными делами никак не связано, значит, корни покушения – здесь. И искать надо начинать с ближнего круга. В первую очередь – с домочадцев. А у меня знакомством руки связаны, так что выбирать не приходится. Даму Тайэ и всех, кто приехал из столицы, опрашивать будет Шан. С сыном Наставника я незнаком – значит, его и здешних слуг и челядинцев опрашивать выпадает мне. А ты при нас на подхвате. Может, свежим взглядом что и углядишь.

Шан упрямо мотнул головой. Возразить на такое распределение обязанностей было нечего, Най был кругом прав, и Шан это наверняка понимал. Но и признать за Наем право распоряжаться он столь же явно не мог.

– Вот интересно, – процедил он, ни к кому особенно не обращаясь, – напарники же по уставу равны. Так с каких это пор и по какому праву один напарник командует другим – что ему делать и кого опрашивать?

– По праву универсальной отмычки для ворот с навесом, – отрезал Най.

Для ворот с навесом – то есть для знатных домов. Ну да, все верно – непохож Храмовая Собака на человека, перед которым они охотно распахнутся. А Вьюн как раз похож. Вот ведь послали духи наставников – хоть сваи ими заколачивай, и некоторый не уступит другому!

– Все, лончак, хватит прохлаждаться, – бросил Най. – Смени меня. Моя очередь передохнуть.

... Сколько существует на свете город Далэ, столько в нем обитает род Тайэ – с первого дня, с первого заложенного в фундамент камня. И никто из Тайэ никогда не бездельничал – служили всегда, только не по гражданской части, а по военной. Именно такой судьбы с детства желал себе будущий Государев Наставник, носивший в те времена прозвание Младший. Он и был младшим из восьми сыновей. Не балованным – не было в роду Тайэ обыкновения детей без пути баловать – но, безусловно, любимым. Братья учили его сражаться, отец – думать и властвовать. Он мог оставить родовые владения на младшего сына, отправляясь со всем остальным семейством в паломничество. Знал, что тот справится. Сын и справился – вот только сказать об этом было некому. Святыня, которую собралось посетить семейство Тайэ, находилась в приграничье. Никто не вернулся живым – родителей, братьев, да с женами и детьми – всех как есть война сожрала. Первый же удар пришелся на храм с паломниками.

Узнав об этом, Младший оставил все на управителя, удрал в приграничье, набавил себе два с лишним года, назвался первой попавшейся храмовой фамилией и вступил в ополчение. Был он для своих лет крепким и рослым – никто и не думал сомневаться, что юному ополченцу семнадцать миновало. Потом-то, ясное дело, обман вскрылся – однако уволить Младшего по малолетству не получилось. Попробуй уволь парня, если он из рядовых до офицера дошел, и не

только за доблесть, а еще и за ясный быстрый ум!

Именно ум и оставил его в военной службе, когда любого другого списали бы по ранению вчистую.

Крови Младший тогда потерял много. Еще чуть выше и правее, и зубчатая стрела угодила бы точно в бедренную артерию. Но она и так натворила много бед. Наконечник на силу выдрали – с изрядным куском мышцы. Сухожилия искромсаны. Сама рана нехорошая – еле-еле удалось избежать нагноения. Будь при госпитале хороший врач, и то исход гадателен – а врачей было всего трое, они работали, не покладая рук, и пользовали тех, кто иначе отправился бы на тот свет. На долю Тайэ Младшего пришелся всего-навсего лекарь, хотя и умелый, так что ногу отнимать не довелось. Но и о том, чтобы встать в строй, не могло быть и речи. Даже о том, чтобы для начала просто встать.

Однако и для раненого офицера служба нашлась.

Армия откатывалась на северо-восток – вслед за отступающим противником, и Младший не мог за ней последовать. Однако недавно освобожденному городу и окрестностям нужен был комендант. А кто годится на эту должность лучше, чем офицер, известный своей храбростью и здравым суждением? А что молод еще до безобразия, так ведь все едино больше назначить некого. После долгих сражений каждый человек на счету.

Разумеется, командующего не мог не смутить возраст Младшего. Пятнадцать с половиной лет, в такие годы не ко-

мендантом сидеть, а в классной комнате зубрежкой заниматься. Но на войне возраст не по годам считается. К тому же командующему уже была известна настоящая фамилия Младшего. По всему выходило, что рискнуть стоит, тем более в безвыходном положении.

– Справишься? – для очистки совести спросил он Младшего.

– Должен, – так же коротко ответил тот.

С чем командующий и отбыл, оставив город на Младшего. И посулив в самом скором времени прислать помощь. В скором не получилось – армию связали затяжные бои, на дорогах пошаливали банды. Некого было присылать в помощь и неоткуда. Она появилась года два спустя, незадолго до конца войны, и пришла из столицы. До прибытия в город столичные чиновники, и военные, и гражданские, весьма изобретательно крыли всякими нехорошими словами командующего, который спихнул город на мальчишку. А на второй же день после прибытия повторили все эти слова, прибавив к ним много новых, но уже по совершенно иной причине.

Мальчишка навел в городе и прилегающей области железный порядок. Если где разбойники и мародеры и пошаливали, то не под его рукой. Дороги поражали своей безопасностью. Еще бы – ведь по дорогам доставляется продовольствие! А оно доставлялось. Если в других областях порушенное войной хозяйство еще не вышло из полумертвого состояния, то у юного Тайэ оно вернулось почти к довоенному

уровню. Недаром отец его, Тайэ Владелец, учил сына науке управления! Поля не запустошены, ремесленники при деле, гарнизон хоть и набран из калек и юнцов, но тренируется на совесть и при случае может выдержать осаду. Да и запасы продовольствия в городе есть, и распределяются по справедливости. Стены городские зачинены, дома отстроены, никто не голодает, не бедствует. Когда бы не явная нехватка мужчин – молодых и средних лет – нипочем бы стороннему человеку не догадаться, что война покинула эти места всего два года тому назад.

Когда столичные чиновники пришли в себя от изумления, проверили положение дел со всей дотошностью и изумились еще раз, отпущенный им судьбой запас удивления был исчерпан. В любом случае, их не удивило, что город сменил своему коменданту прозвание. В храмовых книгах он отныне значился не Младшим, а Соколом. Кого попало в честь одного из духов-хранителей не назовут – но какое иное прозвище подобало Коменданту Тайэ? Сокол – птица полуденная, ему с высоты его полета видно все, что творится на земле, и потому знание дел людских, защита и справедливость в его ведении.

Само собой, даром подобное не дается. Тайэ Сокол недосыпал и недоедал, чтобы успеть все. Для него в сутках было не восемь часов-трилистников, а все шестнадцать, и вид у него был соответствующий – после госпиталя он и то смотрелся краше. А ведь кроме служебных обязанностей на него

навалились еще и семейные.

Кто сказал, что в пятнадцать с небольшим жениться рано? Это он на послевоенном пепелище не побывал, если такое говорит. На горелых развалинах всякий в мужья стодится – и старик, и мальчишка, и увечный, и слепой. А Тайэ Сокол чем не жених? Вельможа, лэ, единственный уцелевший в роду. Опять же герой – с этим не поспоришь. Хромой – так и невелика беда: не безногий, не безрукий, да и кто сейчас может похвалиться, что цел и невредим? И ведь не бродяга приبلудный – полный по выслуге комендант! А что молоденький совсем, так оно и к лучшему: жить будет долго. За старика дочь отдавать – заставить вдовой жизнь вековать.

Тайэ Сокол любил свою хрупкую юную жену, чудом уцелевшую, когда город был захвачен, любил и сына, родившегося в первый же год брака. И ухитрялся каким-то неведомым образом выкраивать время и для них.

Еще пара лет подобной жизни довели бы его до чахотки, несмотря на крепкое сложение, и врачи бы не помогли, пожалуй. Но судьба распорядилась иначе.

Проверяющие приняли единогласное решение: коменданта следует заменить. И не потому, что плох, напротив – потому что редкостно хорош. Потому что совершил чудо – и теперь город и область можно спокойно передать в руки любому толковому чиновнику. От него уже не потребуется творить чудеса – только сохранить и приумножить. А вот нынешнему коменданту самое место в столице. Там сейчас на

чудотворцев большой спрос.

И Тайэ Сокол под неутешные причитания горожан отбыл к новому месту службы – отныне и навсегда гражданской.

Поначалу в столице, мягко говоря, не поняли, на кой ляд из провинции прислали хромого мальчишку, будь он хоть тридцать раз лэ, пусть и из древнего славного рода. В семнадцать лет полагается не должность исправлять, а только-только сдавать первые служебные экзамены. Однако недоумение прекратилось быстро – и навсегда. Не прошло и полугода, как Тайэ Сокол занял место Первого Советника. И доказал, что достоин его.

Это была не единственная его должность. Когда у короля родился сын, именно Первый Советник Тайэ всегда находил время для детских вопросов малолетнего наследника. Он никогда не смеялся над ними и неизменно отвечал не только по существу, но и понятно. Назначение его на пост Наставника юного принца было настолько естественным, что никто другой на него и не претендовал – несмотря на связанное с положением Наставника влияние и почет. Именно Наставник Тайэ сделал нынешнего короля тем, кем он стал.

А теперь бывший Первый Советник, бывший Королевский Наставник Тайэ Сокол лежал на носилках с раной в голове, и трое сыщиков несли его домой...

Донесли они Наставника засветло, хоть трилистник Мыши уже и начался: летний день долог. Однако стражникам

возвращаться по домам предстояло уже в сумерках: Най вообще не собирался отпускать их у ворот усадьбы Тайэ.

– Вдоль стены обойдите, – распорядился он. – Приглядитесь, не шастает ли кто поблизости. Не пытается ли выспрашивать, высматривать. Если кто любопытный попадется, за решетку его. Завтра разберемся. Потом можете быть свободны. За сверхурочными зайдете в Сыскную управу завтра после смены; я подпишу.

Стражники, уже предвкушавшие отдых, отправились в обход, ворча вполголоса на некоторых ретивых сыщиков, которым все нейдет, а Най взялся за колотушку и ударил в медную пластину на воротах.

Осанистый старик-привратник при виде господина на носилках самообладания не потерял, хотя и побледнел. А вот его молодой помощник ойкнул и как-то совсем по-бабьи схватился за щеки. Так, не отнимая рук от лица, он и умелся куда-то вглубь усадьбы. Не успел Тье и пяти вдохов сделать, как помощник вновь появился в воротах, но уже не один, а в сопровождении двух дюжих слуг. Они ловко и бережно взяли носилки у Шана и Тье и быстрым ровным шагом удалились в усадьбу. Помощник ушел следом.

Привратнику до смерти хотелось выспросить, что случилось; это желание отчетливо читалось на его лице. Однако службу старик понимал верно и знал, что ничего ему сейчас сыщики не скажут. Просто права такого не имеют. А раз так, то к чему дергать людей попусту.

– Ждите, – сказал он. – О вас доложат.

Сыщики остались ждать.

Времени на ожидание ушло порядочно – ну, или, по крайней мере, Тье так казалось. Он успел заскучать, наново перевязать пояс и расправить складки форменного одеяния с рисунком морских волн и нашивкой в виде узенького серпика-полумесяца на левом плече (до полной луны, красовавшейся на плечах Шана и Ная, ему было еще далеко), снова заскучать, пройтись вдоль ворот взад-вперед, остановиться, переминаясь с ноги на ногу и вновь заняться поясом. И лишь тогда ворота распахнулись.

– Пройдите, – прежним тоном произнес привратник. – Вас проводят.

Провожатым оказался давешний помощник. За минувшее время он успел совладать с собой, но все же то и дело оглядывался на тройку сыщиков. Тье недолюбливал такие беглые, но упорные взгляды. Однако сейчас ему не было до них никакого дела. Дорога к дому шла через сад – и Тье был совершенно не готов к подобному зрелищу.

А ведь он знал толк в садах. Но ничего подобного он не видывал сроду. Сад был не только огромным, но и очень старым. Ведь только по истечении сотни лет кора письменника начинает сминаться в складки и борозды, так похожие на иероглифы – а на здешних письменниках гладкого места не найдешь. Иные стволы талисманного дерева здесь можно обхватить разве что вдвоем, а то и втроем – неслыханное де-

ло! И пестрокрыльник, редкий в местном климате, чувствовал себя превосходно. Пора его цветения уже миновала, да и ничего особенного из себя его мелкие зеленоватые цветочки не представляли – зато крылатки с семенами природа щедро разукрасила всеми цветами радуги. Тье мигом вспомнил, как он любил в детстве прыгать в ветреный день под густой кроной, осыпaeмый веселыми вoрoхaми крылаток.

И не только пестрокрыльник – многие цветы здесь напоминали Тье о детстве. Потому что это были простые цветы, каких на любом лугу полным-полно. Здесь они росли бок о бок с редкими и капризными растениями вроде королевских мотыльков, с которыми не всякий даже опытный садовник управится. Здесь их было столько, что глаза разбегались – Тье и половину не смог бы назвать. А рядом с их великолепием ничуть не меньше радовали взгляд совсем другие цветы. Не как бедные родственники, не как взятые в дом из милости приживалы – но как равно прелестные иной прелестью. Прятались в траве золотые колечки мышинoй сережки. Синели вдоль каменной дорожки капельки лисьих слезок. Кошачьи колобки еще не расцвели, и их белые округлые бутоны забавно покачивались над резными листьями. Со всеми удобствами расположилась у подножия каменного мостика крепкая бодрая растопырка. Возле беседки парили в тени на невидимо тонких стеблях крохотные белые звездочки пристеночника. Редчайший декоративный лишайник «борода сановника» свешивался со старого валуна до земли, пу-

таясь в зарослях самой что ни на есть обыкновенной полосатки. Ярко лоснились золотистые лепестки обманки, в родных краях Тье прозываемой драконьей денежкой. И вливая свой приглушенный аромат во все запахи сада, цвела белыми колокольчиками травка под названием «долгая память» – не слишком из себя видная, да и пахнет не так чтобы особо сильно, зато благоухание ее не теряется годами, даже если ее высушить.

Не одно, не два, а возможно, и не двадцать поколений садовников из века в век создавали и поддерживали эту гармонию, кому, как не Тье это понимать. Он и понимал – но думать о них не мог. Этот сад был больше, чем сумма их усилий – точно так же, как человек больше, чем сочетание рук, ног, торса и головы. Обаяние сада захватило Тье до глубины души, он забыл дневную усталость, забыл, почему он здесь, забыл, кто идет рядом и почему...

Шан наблюдал за ним с усмешкой.

– Что, лончак, – окликнул он Тье, – совсем голова кругом пошла? Это с непривычки запросто. Ты ведь раньше этой красоты не видел.

– А ты видел? – еще не вполне очнувшись, удивился Тье.

– Конечно, – спокойно ответил Шан. – И не один раз. Семья Тайэ по календарным и городским праздникам всегда открывает сад для общих гуляний. Ну, не весь, а внешнюю часть, вот эту, где мы сейчас. В семейную часть, понятное дело, посторонним ходу нет.

Тайэ.

Родовое имя разом отрезвило Тье. Потому что Наставник Тайэ не мог полюбоваться собственным садом. Его унесли в дом на носилках – и «долгая память» не могла своим тонким ароматом пробудить его память и сознание.

Приемную, куда помощник привратника привел троих сыщиков, Най оглядел довольно-таки бегло. Все такие приемные между собой схожи – и по планировке, и по мебелировке. Как традиция велит, так они и обставлены. В столичном доме Ная была почти такая же. То же кресло для хозяина дома – узкое, жесткое, прямое, с высокой резной спинкой. Те же кресла для посетителей – полукруглые, упорно напоминавшие Наю сооружения из распиленных пополам бочонков. Тот же столик у окна справа от входа – только и различия, что в доме Ная на столике красовалась изящная бронзовая курильница для благовоний, а здесь на нем стояла небольшая агатовая ваза. Те же одностворчатые ширмы-экраны вдоль стен – по две у каждой стены – с изображением духов-хранителей, разве что нарисованы они в местном стиле, сильнее тяготеющем к старой манере. Больше всего Наю понравилась Сова, выписанная с неподражаемым мастерством, и неожиданно обаятельная Мышь. Сосредоточенная, трогательно серьезная, она с кистью в лапке вела учет созревшим колосьям.

Нет, не приемная вызывала у Ная неподдельный интерес, а ее хозяин. Сын Государева Наставника, Наместник Тайэ

по прозвищу Первый Взлет. Так нередко именуют старшего сына, первенца, особенно от раннего брака – тем более, если отец прозван Соколом. А вот до взрослых лет такое прозвище доживает редко. Его сохраняют или дают вновь, если сын преуспел в новом для семьи ремесле или науке. Или – если сын оказался не только по рождению, но и по всем своим дарованиям и успехам первым. Лучше всех учился, лучше всех сдавал экзамены, лучше всех нес службу. Най знал, что для Наместника Тайэ в силе была как раз вторая причина, но самого Наместника он не знал. Когда тот еще жил в столице, Най был совсем мальчишкой, и отец не брал его с собой, отправляясь с визитами. Когда же Най дорос до того, чтобы сопровождать отца, и посетил дом Наставника Тайэ, Первый Взлет уже покинул столицу и отправился к месту своей первой службы. Най был коротко знаком с его старшим сыном, подолгу гостившим в доме деда. Но Первый Взлет мог бывать в столице в основном в перерывах между назначениями, и в дни его нечастых приездов Наставник Тайэ отменял все и всяческие посещения и просто-напросто никого не принимал. Най не пересекался с ним прежде – нигде и никак, он видел его впервые.

Наверное, его покойная мать была очень красива – утонченной, хрупкой красотой. Не от Наставника Тайэ, а от нее Первый Взлет унаследовал спокойную правильность черт и узкую кость. Эта узкая легкая кость, а еще более того изысканные манеры создавали впечатление, что он несколько вы-

ше отца ростом, особенно когда того, как сейчас, не было рядом. Но Най наметанным глазом видел, что на самом деле он пальца на три пониже. Его темно-синий наряд, покроем неуловимо напоминающий официальное одеяние, как нельзя более подходил случаю. Он был... Най поискал мысленно наиболее точное определение... да, вот именно – уместным. Подобающим.

Обычно такими словами – уместный, подобающий – одобряют людей заурядных, потому что о них, как правило, больше и сказать-то толком нечего. Но Первый Взлет не был зауряден – никоим образом. Безусловно, в нем не было отцовской мощи – но в нем все же была сила, иная, своя, непохожая на эту мощь. Если Наставник Тайэ по временам напоминал Наю тигра, то Первый Взлет был, пожалуй, гепардом. И – очень умным гепардом.

Сыщики отдали поклон хозяину дома. Он поздоровался в ответ и пригласил их присаживаться. Обмен подобающими приветствиями произошел. Теперь посетителям предстояло изложить цель визита. Разумеется, делать это полагалось не лончаку. Тье и помалкивал. Однако и Шан не открывал рта. Най знал, что Храмовая Собака ненавидит его – но напарник был разумен и не позволял неприязни брать над собой верх, если речь шла о работе. Этим молчанием Шан признавал, что Най с беседой с человеком своего круга справится лучше, и предоставлял ему право говорить за всех, не пытаясь узурпировать разговор.

– Разрешите выразить вам наши соболезнования в связи с несчастием, постигшем вашего уважаемого отца, – произнес Най.

– Благодарю вас, – вежливо и доброжелательно откликнулся Наместник. – Вы получите ваше вознаграждение.

Сначала Най ровным счетом ничего не понял. Мгновением спустя решил, что ослышался. А когда уяснил, что все-таки нет, форменным образом осатанел.

Да его в жизни так не оскорбляли!

Попробовал бы кто-нибудь предложить вознаграждение служителю Верхнего Сыска! Предложить мзду равному по происхождению, словно не такому же лэ, а человеку служащему, было немислимо. Служащий Верхнего Сыска – не брадобрей, не портной, не подавальщик в трактире. Он – равный, находящийся на королевской службе. Никто и помыслить не мог бы так его унижить. Но сейчас Верхний и Нижний сыск слиты в единую сыскную управу, и в глазах Наместника Най уже не равный ему, он всего лишь один из сыщиков. Первый Взлет не хотел ничего плохого, он и не думал оскорблять или тем более подкупать своих посетителей. Напротив, он считал их людьми честными – а честный сыщик взяток не берет, живет на жалованье. Разве заслуженная награда не будет ему кстати?

Най никогда ранее с подобным не сталкивался. Что ж, все рано или поздно бывает впервые. А вот Шану такое приходилось слышать наверняка. И дать ответ сейчас – его право.

Най думал, что его сотоварищи примут слова Наместника легче, чем он сам. Но Тье был заметно растерян – у него даже рот приоткрылся от удивления. А Шан был откровенно взбешен, хоть и держался с виду спокойно. Най взгляда не мог отвести от его пальцев, с силой сжимающих подлокотники кресла.

– Служащие сыска, – произнес Шан удивительно ровным голосом, – не имеют права получать вознаграждение от лиц, так или иначе имеющих отношение к следствию. Ни в какой форме.

В голосе его не было и тени сожаления: мол, нельзя нам, а не то, так уж мы бы и рады. Нет – в голосе Храмовой Собаки звучало чувство собственного достоинства и вежливый, но решительный и несомненный укор высокому сановнику.

– Мы пришли не для того, чтобы получить вознаграждение, – твердо сказал Най. – Мы пришли для того, чтобы исполнить свой долг.

Из уст кого-то другого и при иных обстоятельствах это могло бы прозвучать напыщенно. Однако здесь и сейчас это звучало правильно. Наем владели точно те же чувства, что и Шаном, и оттого интонации их сходились настолько, что казалось, обе реплики произнес один и тот же человек, хоть и непонятно, который из двух.

Тье незаметно, как ему казалось, перевел дыхание.

Наместник внимательно посмотрел на троицу сыщиков.

– Прошу меня простить, – промолвил он, наклонив голову

в знак извинения. – Я никоим образом не собирался оскорбить ваше понятие о долге.

Действительно, умен. Понял, что именно ляпнул. Понял, чем именно его слова оскорбительны. И главное – понял, что не извинение, а его отсутствие непоправимо унизит большого вельможу перед сыщиками из городской управы. Все-таки он вполне сын своего отца, тот бы тоже извинился... хотя Наставник Тайэ и вообще не сказал бы ничего подобного. Что поделать – недостатки вельможного воспитания, как оно есть. Для Наставника Тайэ, в пятнадцать лет хлебавшего с солдатней из одного котелка, любой человек был прежде всего человеком со своей честью и достоинством. А вот его сыну приходилось об этом напоминать.

– И если уж говорить о вознаграждении, – чуть сипло произнес Шан, принимая извинение, – то причитается оно полюбому не нам, а той женщине, которая вытащила господина Наставника из реки.

Най постарался не улыбнуться. Бай по прозвищу Ласточка уже причиталась награда за спасение жизни – от управы. И немаленькая награда – если учесть, кого она спасла. Но Храмовая Собака не был бы Храмовой Собакой, упусти он случай прибавить к ее награде кругленькую сумму от рода Тайэ. А заодно – и возможность для Наместника сохранить лицо и все же выразить свою благодарность, сделав дар тому, кто его действительно заслуживает.

– Безусловно, – кивнул Первый Взлет. – Спасибо, что на-

помнили.

Обычное «спасибо», а не надменное «благодарю». Что ж, господин Наместник все же понял, с кем имеет дело, и исправился, что называется, на ходу.

В этот момент открылась боковая дверь, и слуги внесли еще один столик. Они поставили его перед посетителями, сноровисто накрыли на четверых и удалились. Хм... и что тут у нас?

Чай, разумеется. И отличный, даже по запаху слышать. Най такого не пил со времен своего отъезда из столицы – ведь, что бы там ни думал о нем Шан, но жил Най, как и Храмовая Собака, исключительно на жалованье, ни разу не написав отцу с просьбой выслать денег. Привык урезывать себя в прихотях, да и вообще понимать, что это именно прихоти, он смог не сразу, так что поначалу иногда приходилось дня по три сидеть впроголодь, но чашечку чаю ценой в его четырехдневный заработок он позволял себе даже и тогда. И теперь полузабытый аромат заставлял его по старой памяти вновь чувствовать себя мальчишкой, который только-только начал раскручивать свое первое дело. В те дни он постоянно пил такой чай с теми закусками, что сейчас красовались на столе – легким хрустящим печеньем, орехами трех сортов, сладкой соломкой и фруктами. Для оголодавших за день усталых сыщиков – на один укус, но тут уж ничего не поделаешь...

– Итак, полагаю, пришло время вернуться к нашему раз-

говору, – произнес Первый Взлет после того, как чай был разлит по чашкам, и сыщики пригубили благоухающий напиток.

Най чуть скосил глаза на Шана. То, что для него самого было когда-то повседневностью, для Храмовой Собаки всегда было немислимой роскошью. Но напарник держался посреди этой роскоши с отменной воспитанностью и пил свой чай со спокойным удовольствием, не ударяясь в унижительные восторги, не пыжась и не манерничая. Неужели Вьюн боялся, что Шан способен уронить себя? Он не мог бы сейчас сказать себе, так ли это. Но совершенно точно мог сказать, что если у него и были опасения на сей счет, то совершенно пустые. Да и Тье демонстрировал недурные манеры. Хороший лончак, неглупый и вдобавок краснеть за него точно не придется.

– И в первую очередь мне хотелось бы услышать от вас, что и как произошло с моим отцом.

Мысленно Най отвесил себе изрядного тумака. Наместник и в самом деле никого не хотел оскорбить словами о награде. Он просто сделал неверные выводы – потому что не знал, что же именно случилось. А рассказать ему было некому – сыщики остались ждать за воротами. Най слишком часто прибывал на место преступления, когда не только свидетелям, их родне и приятелям, но и всем в округе, включая каждую сороку и каждую шавку подзаборную, известно и что случилось, и что об этом думает уважаемый такой-то и

неуважаемая сякая-то – и он просто не сообразил с устатку, что на этот раз все иначе.

Злясь на себя, он приступил к рассказу: поскольку не Шан, а именно он опрашивал команду Закатной Стражи, то ему и следовало сообщить то, что он узнал от них.

– Как видите, – произнес Най, – мы и сами слишком мало знаем, что случилось. Поэтому было бы предельно важно расспросить самого Наставника о том, что произошло. Когда это будет возможно?

– К сожалению, не скоро, – вздохнул Наместник. – Даже целительная магия может не все. Врач говорит, что удар по голове вызвал сотрясение мозга и внутреннее кровоизлияние, довольно обширное. Могут быть затронуты жизненно важные центры.

Най вспомнил неровное, трудное дыхание Наставника Тайэ даже после того, как лекарь оказал ему первую помощь, и кивнул.

– Кровоизлияние он убрал, но вот последствия... возможны нарушения работы сердца, дыхания, полная или частичная потеря памяти... одним словом, приводить его сейчас в сознание не рекомендуется. Положение остается опасным. Врач, по сути, зафиксировал его в нынешнем состоянии, и в ближайшие дни оно останется неизменным, но разумеется, долго так продолжаться не может. Нужен более сильный врач. Наш целитель возьмется выводить отца из этого состояния только если такого врача не удастся найти.

А где же его найдешь, мрачно подумал Най. Если врач, пользующий семейство Тайэ, недостаточно хорош – то где в Далэ найти такого, чтобы справился? Скверно, ох, как же скверно...

– А что вы сами думаете о том, что случилось? – спросил Най.

Он не очень хотел начинать расспросы при двоих свидетелях – с глазу на глаз результаты обычно бывают лучше. Но он должен был дать практический урок допроса лончаку. Потом он разберет для Тье весь разговор фразу за фразой, чтобы тот накрепко запомнил основные правила: при первичной беседе избегать наводящих формулировок, не задавать до поры слишком узко направленных вопросов, не перебивать, больше слушать, чем говорить, и не давить раньше времени. Где и когда можно начинать давить и провоцировать, Тье еще только предстоит усвоить, причем далеко не сразу: человек человеку рознь, раз на раз не приходится, и покуда нахватаешься опыта, покуда обретишь чутье, помогающее определить верный момент и верную тактику, вполтину язык о зубы сотрешь. Но начатки он может и должен постигать уже сейчас.

– Безусловно, покушение на убийство, – уверенно ответил Первый Взлет.

– Вы уверены, что именно убийство? – подхватил Шан.

– А чем еще это может быть? – возразил Наместник. – Несчастный случай? Но отец не мог просто так ни с того ни с

сего свалиться в воду. Он много ходит пешком, несмотря на хромоту, фехтует, вообще не позволяет себе распускаться. Я не могу себе представить, чтобы он вдруг потерял сознание и упал в реку. Или что споткнулся... нет, не могу.

– Но есть ведь и другие возможности, – расплывчато предположил Най, по-прежнему избегая сколько-нибудь четких формулировок.

– Какие? Вы имеет в виду самоубийство? Простите, но это полная чушь. Такое можно надумать, только если совсем не знать моего отца.

Най Наставника Тайэ как раз знал – и потому был с его сыном полностью согласен. Но сейчас не это было важно. Вопрос ведь не только в том, что произошло на самом деле, а еще и в том, что его сын об этом говорит и думает.

– И даже если не учитывать, что он вообще не тот человек, чтобы накладывать на себя руки даже по очень серьезной причине, у него такой причины попросту не было.

– А его отставка? – поинтересовался Най, не давая Наместнику закончить разговор на этой точке.

– Ерунда, – махнул рукой Первый Взлет. – Дело это прошлое, двухлетней давности. Отправить его в отставку он предложил королю сам. И она совершенно не повлияла на отношение его величества к моему отцу. Король сохранил к нему прежнюю привязанность. Они состоят в переписке. Да, отец оставил прежнюю должность и покинул столицу – но это не значит, что с должностью он утратил и влияние.

Зато это значит, что версия о враге или завистнике из столицы обретает больший вес. А это плохо. Труднее будет разматывать. Впрочем, об этом потом. Вьюн еще расспросит Наместника о столичных интригах позднее – в дополнение к тому, что знает и сам. А сейчас надо попробовать дожать его по версии самоубийства. Безусловно, это чушь, и Наместник именно это и скажет снова – но вот как именно скажет...

Пустая информация? Ни в коей мере. Говоря об отце, его сын так или иначе говорит и о себе самом. Выказывая то или иное отношение к заведомо провальной версии, он невольно выказывает свой образ мышления, свой характер. И все это Наю пригодится, когда он будет разбираться с более вероятными версиями.

Пустой информации не бывает. Ну, или почти не бывает. По крайней мере, для сыщика.

– Значит, отставка господина Наставника не расстроила, и влияние свое он сохранил? – уточнил Шан.

А вот и еще одно правило допроса: подхватывай сказанное собеседником, повторяй за ним, уточняй.

– Безусловно, – ответил Наместник.

– Он не был подавлен?

– Не был даже расстроен. Повторяю, у него не было никаких причин кончать с собой.

– Бывает, что причины находят за человека, – негромко произнес Шан.

– Что вы имеете в виду? – нахмурился Наместник.

– Например, шантаж.

– Совершенно исключено! – возмутился Наместник. – В жизни отца нет и не было никаких постыдных секретов!

– Так ведь шантажируют не обязательно оглаской, – примиряюще промолвил Шан. – Бывает, что угрожают жизни и благополучию близких...

– Не родился еще тот шантажист, которому удалось бы перевернуть такое с моим отцом, – фыркнул Первый Взлет. – Если бы подобный дурак и нашелся, отец бы его разделал, как жареного цыпленка. Притворился бы, что готов сдать, и не сразу, а после долгой борьбы, спровоцировал бы его, заставил объявиться – и уничтожил бы. Отец столько лет пробыл при дворе, столько интриганов пережил... нет, если бы за него взялся шантажист, то бояться следовало бы только за шантажиста. А уж чтобы тот довел отца до самоубийства, не может быть и речи.

– Значит, вы полностью уверены, что это было покушение на убийство?

Шан работает правильно. Очередное правило допроса: возвращай одно и то же утверждение в разных формулировках. Есть шанс, что какая-нибудь из них вынудит проговориться. Или наведет собеседника на мысль, которая иначе просто не пришла бы ему в голову. Пробудит полууснувшее воспоминание. И даже если он вновь и вновь подтвердит свои первоначальные слова, важно ведь и то, как именно он их подтвердит. А еще – когда и как именно рассердится

или начнет досадовать на липучего-приставучего следователя. Потому что талдычить по десять раз одно и то же никому, в общем-то, не нравится. Это еще не давление, даже не проба в колено – но, безусловно, уже тот прием, который может вызвать неудобство, даже некоторую тревогу. Когда и как его применять, с какой настойчивостью, каждый решает для себя. Шан и решил – по мнению Ная, правильно. А теперь пора снова перехватывать вожжи: техника повтора отработана полностью. Разумеется, если не переходить к прямому давлению – а для этого еще не только слишком рано, а и попросту причины нет.

– Полностью, – ответил Наместник.

Он сумел это сказать без тени раздражения или враждебности. Занятно. Что ж – вот и еще одна монетка в копилку с надписью «характер Наместника Тайэ».

– Тогда как, по вашему мнению, оно могло произойти? – поинтересовался Най.

– Да как угодно! – с горечью воскликнул Первый Взлет. – Отец терпеть не может паланкины, эскорты и телохранителей.

Еще в столице хоть как-то приходилось соблюдать этикет, но он и там старался отвертеться. А здесь, в Далэ, его и во все не уговорить. «Я у себя дома, должность меня больше не обязывает», – вот и весь сказ. Я с ним спорил, конечно, да с ним разве сладишь! А тут еще и гадание это...

– Какое гадание? – удивился Вьюн, не очень понимая, ка-

кое оно имеет отношение к попытке убийства.

– Ко дню рождения, – вздохнул Наместник. – И надо же было этому прохвосту нагадать отцу долгую жизнь и нерушимое здоровье! А раз жизнь будет долгой, к чему над своей безопасностью трястись? Не в мой колчан стрела – в отцовский! А вышло в итоге... да вот оно и вышло...

Он полуотвернулся на миг и махнул рукой, не в силах ни принять случившееся, ни изменить, ни даже смириться.

И тут, к изумлению Ная, подал голос полузабытый Тье, которому вообще-то полагалось сидеть и помалкивать.

– Ничего ж себе! – выпалил он. – Прямо как нарочно... а может, и правда нарочно? Может, убийца заплатил ему, чтобы Наставник совсем уж о своей безопасности не думал? А если даже и ошибся... хотел бы я посмотреть на такого гадалщика!

– Хотел бы – так посмотри, – сухо одернул его Шан.

Воробей опомнился, залился краской, пробормотал не слишком разборчивые извинения и снова смолк.

Най только улыбнулся краешком губ. Он разбирался в гадании поболее прочих, хоть и таланта к этому занятию не имел ни на ломаный грош. Оно и хорошо: интуиция интуицией, но настоящий талант гадателя для сыщика попросту опасен. Однако он отлично знал, почему версия о подкупленном убийцей гадалщице несостоятельна. Потом он объяснит лончаку, в чем тут дело – ну, а сейчас не ко времени разговор.

Однако в одном Воробей прав: полностью упускать гадание из виду, посчитав его чем-то незначительным, неразумно.

– А кто мог знать о гадании? – спросил Най.

– Многие, – пожал плечами Первый Взлет. – Это ведь обычай, так часто делают. Особенно после возвращения в родные края, отставки, вообще любых перемен в жизни – подарить человеку гадание ко дню рождения. Многие могли знать, а еще больше народу – предполагать, что так и будет сделано. Знать бы мне тогда, что так обернется...

– А кто мог знать о результате гадания?

– Да те же, кто и о самом гадании, – ответил Наместник. – Секрета из него не делали.

– А о том, как именно господин Наставник принял это гадание? – продолжил Най.

На сей раз Наместник задумался.

– Кто-то из посторонних – едва ли... а вот из домашних – практически все, – помолчав, произнес он.

Уже какой-то результат. Пока не сказано, что однозначный – но все-таки результат. И к тому же он дает Наю не просто предлог, а несомненное право перейти к следующей стадии – необходимой, но никак уж не приятной.

– Полагаю, вы понимаете, что это означает, – сказал Най. – Мы должны опросить ваших домочадцев. Всех без исключения.

– Да, – кивнул Наместник. – Конечно.

Радости у него это известие, разумеется, не вызвало – но и протеста тоже. Наверняка Первый Взлет его ждал – и наверняка знал, что это необходимо.

– И начать, несмотря на позднее время, следует сейчас, – добавил Вьюн. – По горячим следам.

– Да, – снова кивнул Наместник. – Конечно. Понимаю.

Он действительно понимал, и это одновременно облегчало работу Ная и тяготило его душу.

– Если вы не возражаете, я бы предпочел продолжить нашу беседу. А Даму Тайэ будет расспрашивать Шан, – Най вежливым кивком указал на Храмовую Собаку.

– Это разумно, – произнес Наместник.

Наю было предельно ясно, что он имеет в виду. О знакомстве Вьюна с Наставником Тайэ и его женой Первый Взлет не знал, а Най ему не собирался раньше времени сообщать. Зато Наместник отлично знал, что такое репутация и доброе имя – и не мог не согласиться, что лоценый красавчик – не лучший собеседник для молодой очаровательной женщины, да еще в подобной ситуации. Богам, и тем не стоит в лужу садиться – грязь может и прилипнуть. Что уж говорить о людях! Нет, с какой стороны ни посмотри, а умный, цепкий и некрасивый Шан – идеальный выбор.

– А со слугами пока побеседует наш лончак.

Вот так – а чего ты хотел, мальчик? Раз уж ты настолько осмелел, что собственные версии выдаешь – поработай. Следственная рутина – отличное лекарство от фантазий, не

подкрепленных фактами.

– Хорошо, – согласился Наместник. – Их проводят. А мы продолжим наш разговор.

Приближаясь в сопровождении старой служанки по прозвищу Син Белая Кошка к опочивальне Наставника Тайэ, где сейчас и пребывала его жена, Шан мучительно размышлял, что же ему сказать, когда он постучится в дверь. Да и постучаться было немного страшновато: что-то всегда в душе противится, когда нужно нарушить тишину в покоях больного. Даже если знаешь наверняка, что больной тебя не услышит.

Менее всего Шан ожидал, что стучать в дверь не придется – она была распахнута настежь. А уж о тишине можно было смело забыть.

Старуха Син ахнула горестно и возмущенно и заторопилась. Ускорил шаги и Шан.

Картина, представшая его глазам в комнате Наставника Тайэ, была до зубной боли неправдоподобной.

– Мама, а что он... – мальчик лет восьми с настороженными черными глазами, взъерошенный, упрямый, явно не собирался сдаваться. Несмотря на малые годы, это был настоящий боец. Шан еще не знал, на что мальчик так негодует – но не сомневался, что в своем негодовании он не уступит ни пяди. – Я этого не надену!

– Вот видите! – патетически возгласил какой-то тип в пар-

човом наряде. – Ваш сын не хочет надевать накидку.

Он попробовал набросить означенный предмет на плечи мальчика, но тот гневно отстранился. Шан мысленно при- свистнул, оценив демарш: накидка была траурной.

– Да как же вы посмели! – с гневной брезгливостью произнесла высокая молодая женщина в темно-вишневом платье, вышитом цветами. Так вот она, Дама Тайэ!

– Но этого требуют приличия! – напыщенно возвестил тип. – И не только от вашего сына, но и от вас!

– Вот как? – медленно и с силой произнесла высокая красавица. – Приличия? И какие же это приличия смеют требовать от меня надеть траур по живому мужу, как по мертвому? Какие приличия требуют от сына оплакивать отца заживо? Или они требуют, чтобы мой муж, открыв глаза, увидел меня в трауре? Утратившей надежду? Не дождетесь. Он увидит, что я ждала его пробуждения. Единственное, чего могут требовать приличия – чтобы вы немедленно покинули эту комнату. Подите вон!

Если мальчик был бойцом, то женщина стояла целого отряда. Сила ее гнева буквально вышвырнула типа в парчовом платье из комнаты. Он скукожился и прошмыгнул мимо Шана и служанки, не смея даже бормотнуть что-нибудь жалобное.

Женщина обняла мальчика.

– Все-все-все, – сказала она ласково. – Уже все. Он больше тебя не побеспокоит. Ты спокойно можешь идти спать.

– Но, мама! – возмутился мальчик. – Я же не маленький! Я тоже хочу помогать!

– Верно, ты не маленький, – серьезно подтвердила женщина. – Поэтому ты сменишь меня утром. Ничего хорошего не будет, если мы оба просидим с отцом всю ночь, а потом оба свалимся. Ты сменишь меня утром – до прихода твоего брата.

– Да, – кивнул мальчик. – Я понял. Я постараюсь уснуть.

– Только сначала загляни на кухню и скажи, чтобы ужин принесли еще и для Син... и для господина сыщика, разумеется.

Мальчик устремил по-прежнему настороженный взгляд на Шана, словно бы спрашиваю безмолвно: «Кто ты? Хорош ли ты в своем деле? Найдешь ли того, кто поднял руку на отца? Могу ли я оставить тебя со своей матерью, не обидишь ли ты ее?»

– Меня зовут Шан, – произнес сыщик, повинувшись этому невысказанному вопросу. – Шан Храмовая Собака.

Он ненавидел необходимость представляться по прозвищу – но понимал, что сейчас это необходимо.

– А как тебя зовут?

– Тайэ Второе Крыло, – ответил мальчик, не сводя с него глаз. Странно, но прозвище гостя, похоже, не показалось ему ни смешным, ни нелепым: даже тени насмешки не увидел Шан в его взгляде.

– Так вот, Второе Крыло, я сыщик. Я здесь, чтобы узнать

все, что может помочь нам поймать того, кто сделал это. – Шан обернулся в сторону постели, на которой лежал Государев Наставник. – Не тревожься. Все будет хорошо. Вот увидишь.

Мальчик помедлил и кивнул. Даже не лицо его – вся его фигура, осанка выражали явственное: «Смотри же – ты обещал!»

– Ужин скоро принесут, – произнес он. – Я пойду скажу, чтобы принесли.

Он пожелал спокойной ночи, попрощался и вышел, серьезный и собранный – ведь он шел не просто так, а по важному делу: распорядиться насчет ужина, а потом лечь спать и постараться уснуть, чтобы завтра сменить мать у постели отца.

– Спасибо вам, – негромко произнесла Дама Тайэ. – Теперь ему будет спокойнее.

Шан отлично понимал, о чем идет речь. После того, как какой-то мерзавец приставал к нему и его матери с траурной накидкой и высокопарными гнусностями, сыщик с его обещанием поневоле казался оплотом надежности.

– А что это был за неприличный идиот? – полюбопытствовал он.

Губы женщины изогнулись в брезгливой усмешке.

– Действительно, идиот. И неприличный. Хотя талдычит о приличиях, не переводя духу. Его зовут Су по прозвищу Суслик.

Шан фыркнул от неожиданности. До сих пор ему казалось, что хуже его прозвища и быть не может, но этому Суслику не повезло куда сильнее – потому что оно пристало адепту приличий как никакое иное. Шан успел разглядеть его черты, когда он прошмыгнул мимо – вроде бы и правильные, но удивительно ничтожные. Высокий, солидный, изящно одетый, он ничем не походил на суслика – и вместе с тем походил разительно. Невозможно было даже помыслить, что его могли наречь как-то иначе.

– Он дальний родственник мужа по женской линии. Очень дальний. Я о нем раньше и не слышала. Нашкодил в своей провинции, а потом бросился просить заступничества.

– У Государева Наставника? – не на шутку удивился Шан.

– Нет, ну что вы! – улыбнулась Дама Тайэ. – У Наместника. Раз он большой чиновник, то обязательно родственнику потрафит. Муж мой вышел в отставку, он даже не глава рода, так его и смысла нет просить, а вот Наместник – тот непременно порадеет.

– Так ведь это не его область, – окончательно растерялся Шан.

– А Суслику что с того? – вновь усмехнулась женщина. – Раз у него родня в больших чинах, какая ему разница, где – главное, что богатая и знатная. Это мы понимаем, что власть областного наместника заканчивается на границах области. А он уверен, что довольно Наместнику написать письмо, погрозить и мзду предложить, и мигом все грехи с него спи-

шутся. Глядишь, еще и в чинах продвинется. И ведь уверен, сквернавец, железно уверен, что Тайэ станут его покрывать.

– Если бы только! – вздохнула старуха Син. – Он еще уверен, что он самый что ни на есть из себя роскошный подарок, и стоит ему только постараться, госпожа вот прямо вся ему в объятия и упадет. Изводу на него нет!

Это было настолько невообразимо нелепо и мерзко, что Шан сначала даже не понял, что именно сказала служанка. А когда понял, освирепел.

Какой-то напыщенный Суслик посмел... посмел... пусть даже в мыслях... да что он вообще о себе воображает! Кто он – и кто Дама Тайэ!

Не в знатности дело – этот Су семейству Тайэ вроде как родственник, пусть и по женской линии. И не во внешности – на лицо Су вполне благообразен, даром что суслик сусликом. И не в годах – ему лет сорок, Наставник куда постарше его будет. И не в том даже, что Дама Тайэ – мужняя жена; для всяких там сусликов это едва ли помеха. Да он уже мысленно Наставника Тайэ схоронил – ишь, как суетится!

Но как он посмел даже помыслить... как только в голову свою забрал, грызун несчастный, покуситься на волшебную красоту Дамы Тайэ!

А Дама Тайэ была именно что волшебно хороша.

Красота ведь бывает разной. Бывает надменная красота. Злая. Такая, что унижает, пригибает к земле. И такая, что выпивает всю радость из души, заставляя терзаться болью о

несбыточном. Да мало ли какая еще!

Дама Тайэ была так прекрасна, что рядом с ней Шан напроць забыл, насколько сам он некрасив. Его злополучная внешность, его нищая юность, его низкое происхождение – все это было совершенно неважно рядом с ее сияющей красотой. Разве важно весенней листве, богат ты или беден? Разве солнечный свет, согревая тебя, спрашивает, красив ты или уродлив? Разве пение птиц хоть на один звук изменится оттого, что их слышит вельможа или простолюдин? Лицом к лицу с этой невероятной женщиной Шан чувствовал себя, словно лицом к лицу с рассветом или мелодией. Совсем недавно он говорил Тье, что никогда не видел внутреннего сада семейства Тайэ – а сейчас он любовался им. И возжелать Даму Тайэ казалось ему таким же кощунственным и нелепым, как захотеть украсть благоухание цветов этого сада. Если у кого и есть право на аромат цветов, так только у земли, в которую вросли их корни – а землей Дамы Тайэ был ее муж. Теперь, когда он был не просто голым и мокрым потерпевшим на столе квартального лекаря, а полулежал, опираясь на подушки, его лицо было спокойным и значительным. Древняя мощь угадывалась в нем, скрытая сила земли.

И чтобы какой-то суслик...

– Кошенька! – ахнула Дама Тайэ. – Да что ты такое говоришь! Быть того не может!

– Балда, – беззлобно провочала служанка. – Вот как в девушках была балда, такой и осталась. Под самым носом у

себя простых ведь вещей не видишь. Не может, не может... еще как может. Это только ты и не замечала.

– А господин замечал? – заинтересовался Шан.

– Конечно же, – подтвердила Кошка. – Он ведь не вчера родился. Да все видели. Это госпожа только по доброте душевной... а так – попробуй не заметишь! Он просто госпожу расстраивать не хотел, вот и не говорил ей. К чему ей про такие пакости знать, раз он все едино этого суслика выставить собирался. И он, и господин Наместник.

– А что ж не выставили? – Шан все еще не мог унять негодования.

– Так ведь день рождения, – вздохнула служанка. – Этот суслик ведь как рассчитал – явился за неделю до дня рождения господина. Кто бы его иначе и вообще в дом пустил, шелупонь этакую!

Шан тоже вздохнул. Нерушимый обычай – никому не может быть отказано в гостеприимстве, если гость, пусть и трижды нежеланный, явился в течение недели перед днем рождения. Только на четвертые сутки после празднования можно прогнать находника, незванным навязавшегося в дом.

– Господин бы его как раз завтра и выгнал. А теперь он лежит – а потом опять нельзя будет. Уже послезавтра будет нельзя – опять день рождения. У сына госпожи.

М-да... невеселый праздник ожидает Второе Крыло.

Что-то в этой мысли показалось Шану важным, но он никак не мог понять, что именно и почему. Картина и без того

вырисовывалась крайне занятая.

– Зато я не лежу. – Дама Тайэ вновь была разгневана – и немудрено. – И если его Первый Взлет не вышвырнет из дома завтра же, я сама это сделаю.

– Не получится, – с сожалением возразил Шан. – Пока следствие не закончено, никуда ему уезжать нельзя.

– Верно, – кивнула Дама Тайэ. – Я не подумала.

– Значит, он так и будет тут околачиваться? – расстроилась Кошка. – На госпожу пялиться, младшего господина пугать...

– Ну, думаю, под домашним арестом ему это будет делать затруднительно, – усмехнулся Шан.

– А вот это правильно! – мстительно обрадовалась Кошка.

Тут послышался тихий стук, дверь отворилась и в комнату вошли трое слуг со столиками-подносами, по одному для каждого. Они ловко расставили столики, повернув их ручки из бокового положения вниз, тем самым превращая их в ножки.

Шана при виде этого зрелища взяла оторопь.

Не сказать, чтобы столики были какими-то невиданно дорогими, изукрашенными перламутром или позолотой. Обычное талисманное дерево гладкой полировки, пусть и редкостно красивое. И магическая черта по краю столика была ему не в новинку – чары, сохраняющие горячие блюда горячими, а холодные – холодными, не так уж и редки. Их можно встретить в любом мало-мальски приличном тракти-

ре. Но вот сами блюда – а точнее, их изобилие...

Два разных горячих супа, по чашке каждого. Исходящий паром свежесваренный рис. Узкие полоски мяса, от одного запаха которых рот наполнялся слюной. Соленые овощи. Умопомрачительно ароматные мясные ушки-пельмени и соус к ним. И целое блюдо чудесных крохотных пирожков. Не упоминая, разумеется, чай – как же без него?

Шан был ошеломлен. Он привык ограничивать себя в еде. Не из скупости – а потому что вырвался из нищеты, и отлично знал, что делается с теми, кто не только вырвался, но и дорвался. И не желал, чтобы это случилось с ним. Даже в ту пору, когда он только-только начал нормально зарабатывать, когда его состояние однозначно определялось словами «глаза больше желудка», он обуздывал себя. А сейчас, когда он это состояние избыл, перед ним оказалась такая прорва еды, что он растерялся.

– Да я ж все это не съем! – взмолился он. – Лопну!

– Зачем же лопаться, господин сыщик? – солидно возразил слуга. – После целого-то дня работы...

Шан было подивился, откуда у него такие сведения, потом вспомнил, кого именно Най отослал опрашивать слуг, и сделал, как и подобает одному из лучших сыщиков управы, совершенно верный вывод.

– Ну, Тье! – с восхищенным возмущением произнес он. – Ну, проглот! Чтобы лончак – и такой ушлый! Погоди, Воробей – ты у меня еще поклюешь по зернышку!

– А разве он неправ? – рассмеялась Дама Тайэ. – Это ведь не в один присест съест. Вам еще работать и работать.

– Ну, если так посмотреть, – подумав, признал Шан, – наверное, он в чем-то прав. Но все равно я этого так не оставлю.

И потянулся за пирожком.

Ушлый там или не ушлый, проглот или не проглот, а занят Тье был тем же самым, что и Шан – ел пирожок. Четвертый по счету.

Напротив него за столом сидела, облокотясь, стряпуха и взирала с почти материнской жалостью: встрепанный, тощий – ну как есть Воробей. Совсем в этой сыскной управе порядка не знают – ну разве можно этакое недокормыша работой морить! То ли дело, к примеру, сыновья ее племянницы – молодец к молодцу, статные, крепкие.

О них и шла речь за кухонным столом.

– Славные парни, что и говорить, – разглагольствовала старшая судомойка по прозвищу Мушка, маленькая, жилистая и крепкая, как стоялый уксус. – Особенно трое старших.

– А младший чем тебе нехорош? – возмутилась стряпуха.

– А тем, что друзей себе не тех выбирает, – отрезала Мушка.

Тье наострил уши. Однако выражение его лица осталось по-прежнему безмятежным. Сложно иметь другое выражение лица с пирожком во рту.

– Да чем тебе его друзья нехороши? – стряпуха, судя по всему, вознамерилась отстаивать племянника всерьез.

– Да ты, Яблоко, сама посуди! Твоя Ягодка не нам чета, в господских покоях служит. А младшенький ее с сыном мясника дружбу водит! Нет бы кого почище себе в приятели выбрал!

– А чем тебе сын мясника нехорош? – фыркнула Яблоко. – Мать его госпоже прислуживает – так и что теперь, выше притолоки нос драть? Может, им и меня теперь сторониться надо – я-то день-деньской на кухне, господских покоев и не вижу!

– Да нет, ну ты что, Ягодка тебе сестра ведь... – несколько растерялась Мушка.

– А сын мясника ее Стрижу друг! – победно припечатала стряпуха. – Уймись ты, Мушка, право слово! Чем такой друг нехорош? Честный, работающий, о сестрах заботится – любой бы девушке такого брата. Живут, как жемчужины в сережках красуются. Родителям помощник опять же. Добрый, веселый, надежный. Чем не друг? Такой дурному не научит.

– Ну, все-таки... – неопределенно высказалась Мушка, не желая сдаваться так уж сразу.

Тье не примолвил к их разговору ни слова. Он жевал пирожок. А дожевав, потянулся за пятым. Лево́й рукой. Потому что в правой у него была модная новинка – грифель. И этим грифелем он, не глядя, выкомаривал на листе бумаги всякую ерунду.

Вот только эта была совершенно особенная ерунда.

Ни стряпуха, ни судомойка не обращали на его каракули никакого внимания. Известное дело – стесняется молодой человек, не знает, куда руки девать, вот и калякает вензельки да завитушки. Раньше застенчивые юнцы все больше четки в руках вертели, чтобы от их беспокойства ничему вокруг урону не было. А то ведь ухватит вещицу какую-нибудь мимодумно да начнет крутить – беспременно сломает. А тут какой-то плотник из столицы возьми да и придумай грифель разметочный – поди, удобнее, чем угольком линию по угольнику наводить! Новомодную придумку тут же оценили художники. А когда ее освоили писцы, грифели пошли нарасхват. Оно конечно, записывать под диктовку грифелем, и лишь потом перебеливать документ кистью – двойная работа, зато не приходится то и дело отрывать руку от письма, чтобы напитать кисть тушью. Да и положи руку на сердце – всегда ли удастся сразу написать под диктовку кистью набело, без помарок? Любой грамотный человек считал должным иметь при себе грифель для срочных записей. А среди приличных молодых людей сделалось хорошим тоном не просто иметь грифель при себе, а и пускать его в ход при любой возможности – напоказ. Сразу ведь ясно – раз не просто четки перебирает, а загогулины всякие выводит, то не просто стеснительный юнец, каких кругом двенадцать на дюжину, а из хорошей семьи мальчик. Обеспеченный. Такому нужды нет работать день-деньской. Натруженные руки не бывают

нервными. Им бы отдохнуть хоть немного, а не за грифель хвататься. Да и писец или служащий управы из рядовых за день столько кистью да тем же грифелем орудует, что даруй-те боги его рукам покоя: мучительная штука – писчая судорога!

Конечно, если приглядеться, худощавый Тье походил на худосочного богато одетого бездельника не больше, чем спелый колос на прошлогоднюю соломину, так ведь это если приглядеться. А по мнению стряпухи и судомойки, таким, как Воробей, и вовсе спину гнуть и надрывать ни к чему – совсем ведь еще молоденький, а уж тощий какой, того и гляди, ветром унесет! Они подсовывали Тье пирожки с дружным умилением, не обращая никакого внимания на грифель в его правой руке. Успеет еще наработаться на своем веку – а куда кому и возить грифелем по бумаге, как не юному лончаку? Пусть себе ест на здоровье и ерунду малует! Тье и малевал.

Но это была совершенно особенная ерунда.

Опытный сыщик способен запоминать сразу многое. При всех своих познаниях опытным Тье не был. И долго еще не будет. Не сказать, что память у него, как дырявый мешок – но школить ее Воробью предстоит не год и не два. А до тех пор как быть? Нет, ну вот как быть, если не допрос ведешь, а простой с виду разговор? Если слушаешь непринужденную болтовню, на которую сам же людей и навел? Навести – полдела, а ты попробуй запомни все, что в этой безобидной болтовне

промелькнуло нужное! И записывать нельзя! Никак нельзя. Что в частной беседе выболтают, никогда под протокол не скажут. Помстится человеку, что не разговор это, а допрос – и захлопнется он, как сундучок с секретом, и нипочем ты его не откроешь. Ну, может Шан или Най смогли бы – так на то они и мастера. А Тье покамест подмастерье.

И потому его правая рука быстро выводила на листе бумаги одному ему понятные стрелки и линии, а заодно и выполненные двумя-тремя штрихами наметки рисунков – ягоду, летящего стрижа и нечто, напоминающее силуэт поросенка.

Родня. Друзья. Знакомые.

Связи.

Те, кто мог так или иначе, намеренно или случайно узнать что-нибудь о распорядке дня и перемещениях Государева Наставника. Те, кто мог обмолвиться или сболтнуть.

– Да ты ешь, не стесняйся, – вздохнула стряпуха. – Совсем тебя твое начальство заморило. За метлу спрячешься, и видать не будет.

Нет лучше способа расположить к себе человека и разговорить его, чем принять его угощение и разделить с ним еду. Разве что совместная выпивка – так ведь Тье на работе, и пить ему ну никак нельзя.

– Да ведь не всухомятку же, – укорила подругу Мушка.

– Ой, и верно, – спохватилась та.

Тье покладисто согласился выпить с обеими женщинами чаю – глупо как-то одному чаи гонять, вы не находите? –

и откусил по их общему настоянию от пирожка. Пятого по счету.

Слуг, которых следует опросить на предмет родни и знакомств, в усадьбе много. Так что Тье не строил иллюзий относительно количества пирожков и чаю, ожидающих его.

Ночь ему предстояла долгая.

Най, что примечательно, тоже ел пирожок. Правда, не пятый, а третий. Нехорошо у наместника за столом сразу на еду набрасываться. Политес обязывает.

В полном согласии с политесом Най не отнекивался, не жеманничал, но и не торопился, держал осанку и орудовал палочками для еды с непринужденным изяществом. Одним словом, ел, как и подобает благовоспитанному юноше из вельможной семьи в знатном доме. Будь у него время подумать, он бы, пожалуй, ссутулился, откинулся на спинку кресла или там почавкал разок-другой, чтобы не выказывать вельможное воспитание слишком рано: Первый Взлет – человек наверняка наблюдательный и умный, и кто его знает, какие он выводы сделает. А уж что такую диковину, как провинциальный сыщик с придворными ухватками, он мимо глаз не пропустит, и сомневаться не приходилось. Однако подумать об этом у Ная времени как раз и не было: он слишком внимательно слушал Наместника. А хорошие манеры из него мимодумно так и перли.

Впрочем, не сказано, что и у Наместника было время тол-

ком обдумать тонкую воспитанность удивительного сыщика. Он тоже был занят. Он припоминал всех местных жителей, кто так или иначе мог затаить враждебность к роду Тайэ.

– Ано Золотая Печать, – продолжал Первый Взлет. – Прижал я этого поганца крепко. Век будет помнить, как взятки вымогать.

Най кивнул в знак того, что запомнил.

– Не вижу, зачем. Во-первых, это ведь не отец его оштрафовал и с должности снял, а я.

– Но вас как наместника охраняют, – заметил Най, – а господин Наставник для покушения доступнее. Причинить вам горе подобным образом...

– А во-вторых, – невозмутимо продолжил Первый Взлет, – это душонка не только мелкая и жадная, а еще и трусливая. Куда ему убийцу нанимать, покушаться! Он сейчас сидит тихо и трясется, как студень на блюде. Рад-раदेशенек, что деньгами и должностью отделался. Нет, Ано – это совершеннейшая нелепость.

Най снова кивнул – на сей раз в знак того, что с наместником согласен. Как хорошему сыщику и полагается, он, конечно же, знал хоть понаслышке, кто из местных чиновников чем дышит и что собой представляет. Натуру Ано Первый Взлет описал с убийственной точностью.

– Дани Ночной Ветер, – произнес Наместник. – Старший помощник начальника Фарфоровой управы.

Най знал, что это имя непременно прозвучит, и ждал его.

Того, что это будет больно, он тоже ждал.

Ночной Ветер, лучший друг – с детских еще лет... и Вьюн ничем, ничем не мог ему помочь! Один из лучших сыщиков управы... но нельзя вести следствие по делу, если кто-то из подозреваемых или свидетелей тебе знаком. А уж тем более если это родня или друг! Дело досталось в производство начальнику сысской управы. Наю нельзя было не только в нем участвовать – повидаться с подследственным, и того нельзя! Только одно Най и смог – дать показания под протокол, что знаком с Дани Ночным Ветром со школьных еще лет, и человека честнее во всю свою жизнь не видел. Слова весят не больше песчинки. Много ли Дани от них пользы? Но, может быть, именно эта песчинка перевесила, в конце концов, чашу предварительного постановления и позволила Дани угодить под домашний арест, а не тюремный?

Может быть.

По крайней мере, Най на это надеялся.

– И Сано Нефритовый Лист. Старший помощник Наместника, то есть мой. Оба под домашним арестом по делу о королевском фарфоре. И мастер Фай Хромой. Под частичным домашним арестом с правом работать. Тоже по делу о королевском фарфоре.

Най кивнул опять.

– Не вижу, как, не вижу, зачем, – хмыкнул Наместник. – Из-под домашнего ареста убивать или исполнителя нанимать не улизнешь.

– Кто-то из близких? – предположил Най.

Должен был предположить.

– Да нет, ерунда выходит. Сами посудите. Дани в наших местах человек новый, чиновник без году неделя. Ни преданных роду слуг, ни подчиненных, готовых ради него в огонь и в воду у него здесь нет.

Най припустил ресницы. Слуги... в доме Дани и вообще лишних слуг не водилось. Конечно же, уезжая к месту службы, Ночной Ветер оставил всех с отцом: сам он парень еще молодой, неприхотливый – как ужнибудь да обойдется...

– Так что по своему почину убивать ради него никто не побежит. Сано... ну, своего Старшего Помощника я не первый день знаю...

Как и Най знает Дани.

– В высшей степени маловероятно. Кто-нибудь из домоладцев ради него мог бы – но зачем? Им не убивать, им прошения писать... да они и пишут. Всю управу уже завалили. Вешать на и без того подозреваемого в крупном деле еще и труп – да чего ради? Два следствия опаснее одного – больше шансов докопаться до истины хоть по которому-нибудь. Нет, им сейчас на убийство покушаться никак не с руки.

Что верно, то верно.

– А мастер Фай и тому уже счастлив, что работать может, покуда следствие идет. Что семья голодать не останется. У него и денег нет, и мотива, и у домашних его тоже. А главное, этим троим не только на отца, но и на меня покушаться

никакого смысла нет. И сами они это знают, и домочадцы, и близкие. А кто сдуру сразу не понял, тому в первые же дни после ареста до ума довели. Ну, положим, убьют меня – и что дальше? Новый Наместник прибудет. А ну, как не захочет он миндальничать? Тогда им уж не домашний арест, тогда что похуже светит. Им не убивать меня или отца, им с рода Тайэ пылинки сдувать и за здоровье молиться!

Господин Наместник действительно был умен. Сложись его жизнь иначе, из него мог бы выйти преотличный сыщик. Не хуже Шана.

– А больше никого нет, кто мог бы таить вражду или хотя бы недовольство. И среди них нет того, кто действительно мог бы покушаться на отца или меня. Сами видите, чушь получается.

– Вижу, – медленно произнес Най. – Рад, что и вы это понимаете. Значит, вы понимаете и то, о чем разговор должен пойти на самом деле.

Список возможных недовольных – так, для разогрева. В случае убийства или покушения на убийство первым счетом всегда следует проверять домочадцев. Родных, близких, челядь... и страшно даже подумать вчуже, как часто поиски в ближайшем кругу потерпевшего увенчиваются успехом.

Наместник не мог этого не знать.

И это знание заледенило его лицо, наполнило его взгляд тяжелой угрозой.

– И вы посмеете? – надменно и холодно молвил он.

Раньше, во время службы в Верхнем сыске до его слияния с Нижним, Най мог спокойно настаивать на ответах – и получал их. Он был равным среди равных – тогда. Сыном вельможи, следователем по делам высокорожденных. А здесь и сейчас он был всего лишь провинциальным сыщиком, мелкой сошкой. Большой ведьможа такого придавит, как докучное насекомое, и не заметит.

– Посмею, – бестрепетно ответил Най. – Это мой долг.

Наместник помедлил немного и вдруг усмехнулся кончиками губ. Гнетущая тяжесть исчезла из его взгляда.

И Най запоздало понял: он только что прошел проверку.

Отступи он сейчас, и Наместник бы его попросту вышвырнул. И говорить бы с ним не стал ничем. С Шаном – да. Может быть, даже с Тье. Но не с ним.

– Хорошо, – сказал Наместник. – Тогда приступим.

Если Най только собирался приступить, то Шан уже маялся – и всерьез.

Совершенно необходимая – и до предела муторная часть любого расследования. Муторная и мутная.

Опрос сопричастных – будь то подозреваемые, свидетели или просто родня и знакомые.

Одни говорят правду. Другие только думают, что говорят правду. Третьи врут. Четвертые, опять-таки, только думают, что врут. Ремесло сыщика – слушать внимательно, вызывать на откровенность, каждую мелочь запоминать, вдумывать-

ся, сопоставлять... человеку стороннему и невдомек, сколько сведений можно вытянуть из безобидной вроде бы болтовни. Но только человек сторонний и мог бы назвать ее безобидной.

Нет, в самом деле. Кто-то машет языком, как лиса хвостом – а кто-то и слова в простоте не проронит, все в себе держит, словно бурдюк завязанный. Но если правильно потянуть за веревочку, узел распустится, и наружу хлынет такое... только успевай уши подставлять под этот поток помоев – и даже поморщиться не моги! Болото кругом, да еще и гнилое, и пахнет оно соответственно, а ты, сыщик, не отворачивайся. Ты в этом болоте палкой шуруй, да хорошенько. И жди, покуда всплывет из него... ну, вот что может из болота всплыть, то и всплывает. Редкий случай, чтобы на болотной мути лотос распустился – такая радость долго потом помнится. Обычно все больше пакость всякая попадается.

Наверное, к этому можно привыкнуть. Даже наверняка. Шан своими ушами как-то слышал разговор двух судебных врачей: «Только посмотри, какое тут прелестное прободение кишок! Ручаюсь, ты в жизни ничего подобного не видел!» Так-то оно так – но Шан, хоть и не стал вместе с врачами смотреть на вышеупомянутую прелесть, был железно уверен, что прободение совести выглядит куда хуже. А оно как раз по его части.

А чтобы найти жабу в болоте, мало его перевероршить. Еще и искупаться придется. Со всякой гадюкой на ее язы-

ке пошипеть, с каждой лягушкой поквакать. В доверие войти. Чтобы и лягушка, и гадюка сами пожелали поведать тебе свои секреты.

Входить в доверие Шан умел. Ну и что же, что ему это не слишком-то и нравилось? Не любить не значит не уметь. У всякого сыщика, если он стоит того хлеба, который ест, уловов больше, чем репьев на пустыре – не один, так другой непременно зацепится. Потихонечку, незаметно...

Вот только сейчас все уловки, хватки и хитрые приемчики были Шаном позабыты так крепко, словно он их и не знал никогда.

И не в том даже дело, что лезть к Даме Тайэ с этими хитростями – все равно что насильно макать лотос в ту самую болотную жижу, на которой он возрос. Лотос не замараешь. Не пристанет к нему грязь. Нет, дело в другом.

В том, что нельзя такую натуру вскрывать отмычкой, тайно, по-воровски. Нельзя добывать из нее сведения обманом. Ничего не получится. Кого другого хитрость отомкнет – но здесь и сейчас она оборвет ту тонкую нить понимания, что протянулась между сыщиком и знатной госпожой. Только попробуй подойти окольными путями – в петлю совыются, век не выберешься, а до цели не дойдешь.

Даму Тайэ можно только спрашивать напрямик.

А прямые вопросы звучали ох как неприятно...

– Да как у тебя язык-то повернулся, ищейка нюхливая! – негодовала старуха Син. – Ты на что же тут намекаешь? Это

кем надо быть, чтобы такое удумать! Чтобы господин Наместник...

– Успокойся, Кошенька, – мягко произнесла Дама Тайэ. – Господин сыщик обязан задавать такие вопросы. Даже еще и не такие. Даже если ему не хочется. Даже если он так не думает. Все равно обязан. И как господин Наместник относился к отцу, и по душе ли ему младший брат, и не слишком ли ему по душе молодая мачеха...

Син воззрилась на сыщика в упор – и он ответил ей тем же. И не Шан первым отвел взгляд.

– А и поганая же у тебя работа, парень, – с неожиданным сочувствием произнесла она. – Врагу не пожелаешь.

– Не без того, – признал Шан. – Но все равно нужная.

– Нужная, – согласилась Дама Тайэ. – И я отвечу. Мой пасынок – человек глубоко порядочный. И если бы даже он был чем-то недоволен, покушаться на жизнь отца не стал бы ни в коем случае. Но у него нет никаких причин для недовольства.

– А так бывает? – усомнился Шан.

– Бывает, – улыбнулась Дама Тайэ. – Ведь сейчас не отец, а он – глава рода. Сокол одним из первых исполнил королевский указ. Может, и вообще первым. Он стоял у истоков этого указа и подал пример. Зачем бы Первый Взлет гадал, что он получит по завещанию, и старался убрать отца, чтобы обделить младшего брата, если никаких завещаний больше нет? Он распоряжается имуществом рода и владеет своей

долей. Все уже расписано, выделено и назначено.

– А если ему недостаточно своей доли? – Шан не верил в это ни на миг, но спросить был обязан.

– Она уже выделена, – пожала плечами Дама Тайэ. – И он не желает большего. Но если бы такое случилось, устранять бы следовало моего сына, а не мужа.

– А господин Наместник никогда не был недоволен появлением младшего брата?

– Ну что вы! Первый Взлет – замечательный старший брат. В роду Тайэ всегда так было. Мне слуги из старых много рассказывали.

– Но у него свои сыновья есть, и оба старше, чем Второе Крыло...

– А им весело, что дядюшка младше племянников, – улыбнулась Дама Тайэ. – Им дай волю, они его еще и избалуют... если он им позволит, конечно.

М-да... Второе Крыло – мальчик не по годам серьезный и с понятием. Такого поди попробуй, избалуй.

– Поймите, Шан, это ведь не купеческая семья, где все сидят на сундуках с деньгами и думают, как эти сундуки между всеми распилить, чтобы никто обиженным не остался. Это даже не обычные знатные землевладельцы, которые сидят на своей земле. Тайэ всегда служили – раньше по военной части, сейчас по гражданской. Какое поместье, какое имущество? В родные края никого служить не назначают. То, что Первый Взлет служит в Далэ – случайность. Он родился

и вырос в столице, и только поэтому срочное назначение в Далэ досталось ему, а не кому-то другому. В имении живут в перерывах между назначениями, дети и те, кто вышел в отставку – из поколения в поколение. В таком роду нечего делить – скорее уж радоваться надо, что пока ты на службе в каком-нибудь дальнем округе, дома хоть кто-то из семьи живет. Большая часть имущества вообще не дробится. И никто не останется обделенным.

Такой порядок для Шана был и в самом деле в новинку. Как никогда остро он ощущал, что оказался на чужой территории. До сих пор он еще не сталкивался с вельможами. Это было правом и обязанностью Верхнего сыска. Вот только нет теперь ни Верхнего, ни Нижнего, а есть одна сысчная управа. Так что раз уж ты сыщик – изволь соответствовать.

– Вы хотите сказать, что господин Наместник не проявил никакого недовольства, когда ваш отец взял вас в жены и обзавелся еще одним сыном? – на всякий случай уточнил Шан.

– Недовольство? – рассмеялась Дама Тайэ. – Ну, что вы! Это не было недовольством. Это было самым настоящим ужасом.

Шан поперхнулся.

– Н-нн-нно п-п-почему? – еле выдавил он.

– Ну, а как же иначе? – Глаза Дамы Тайэ откровенно смеялись. – Ведь не в наложницы взял – в жены. Молоденькую наложницу – скандал, конечно, но всякое бывает. А жену –

да еще простолюдинку, да из челяди...

Шан выпучил глаза.

– Господин сыщик и не знает, – посмеивалась Син.

– Конечно. Это же в столице было, – заметила Дама Тайэ и медленно улыбнулась. – Забавно... я ведь до сих пор помню, как сильно в доме Посредницы Кан пахло лимоном и вощанкой...

... В доме Посредницы Кан пахло лимоном и вощанкой. Кому что нравится – некоторые полируют пол и мебель чистой вощанкой, без дополнительных ароматов. Другие, наоборот, предпочитают густое смешение тяжелых благовоний – у человека непривычного в такой комнате мигом голова разболится. А кто-то выбирает один дополнительный запах – яблочный, к примеру, или цветочный какой-нибудь. Даже мода есть на ароматы. Посредница отдавала предпочтение лимонному – невзирая на все ухищрения моды.

Руки Лао по прозвищу Светлячок тоже пахли лимоном и вощанкой. И немудрено – ведь это она вымыла весь дом и навощила все, что следует. Посредница Кан не держала слуг. К чему они ей, если в дом постоянно приходят такие, как Светлячок? Те, кто ищет места – а в хороший дом с улицы наняться невозможно. Конечно, рекомендации, выписанные слугам бывшими хозяевами, значение имеют – но кто даст для слуг рекомендацию самим хозяевам? Наймешься в незнакомый дом, а потом света белого не взвидишь. Попа-

дется тебе скупердяй, так и наешься слюнок жареных – сам глава семейства ест вприглядку, а слугам и того не положено. А в иных домах тумакami угостишься, слезами запьешь. Конечно, подобные семейства среди слуг на слуху – но столица велика, не обо всех говорят вслух, кое о ком и шепотом, а о ком другом и разговоров нет. А хоть бы и были, не всякое слово услышать удастся. Легко ли самому загодя узнать, покладлив ли хозяин на смазливых служанок и не станет ли хозяйка морить непосильной работой? А вот посредники знают все – работа у них такая. Ну, или почти все. И ошибаются очень редко.

Посредница Кан не ошибалась никогда. Она была лучшей в своем деле. Ни один из слуг не мог бы пожаловаться, что Кан устроила их к жестоким, скупым или несправедливым нанимателям. И никто никогда не сказал бы, что посредница обременила его слугой вороватым, неумелым или ленивым. Кан всегда совершенно точно знала, кто и для какой работы в каком доме годится. Потому что желающие наняться через посредство Кан сначала показывали свои умения в ее доме и саду. От пронизательного взгляда посредницы не укрывалась ни одна слабость и ни одно достоинство. Ее мнение стоило дороже любых рекомендаций – потому что ее невозможно было провести. А уж для тех, кто ищет место впервые, она была настоящим спасением. К чему ей держать в доме слуг, если деревенские девчонки готовы к ней в очередь выстроиться – и у каждой есть пара крепких усердных рук? А

если учесть, что работа в доме Кан входила в оплату ее посредничества – можно ли сыскать лучшие условия?

Светлячок считала, что нельзя. Что свое прозвание – Талисман – посредница носит не даром. Для таких, как она, посредница и вправду талисман.

– Хорошо, девочка, – изрекла Кан, придирчиво оглядев комнату. Вымытые и навощенные полы мягко сияли, как янтарь. – Очень хорошо. Руки у тебя на месте, ничего не скажешь.

Светлячок опустила ресницы. Посредница понимающе улыбнулась. Сколько она уже видела на своем веку девчонок, опускающих взгляд, чтобы не выдать отчаянной надежды? Да пожалуй, что и не упомнить...

– Думаю, на двенадцать с половиной монет в месяц ты можешь смело рассчитывать.

По столичным меркам это было хорошее жалование. Особенно для такой, как эта девочка – они там у себя в деревне таких денег и не видывали. Талисман была уверена, что Светлячок отвесит поклон и поблагодарит. Однако ей предстояло основательно удивиться.

– Этого не хватит, – тихо, но твердо сказала Светлячок.

Посредница приподняла брови.

– Ну, дружочек, как хочешь, а на большее тебе рассчитывать никак невозможно. Работница ты без укору, что да, то да – но ведь ты не одна такая. Что ни день, находятся слушанки, которым хорошее место нужно – и любая готова из

себя жилы тянуть, лишь бы устроиться.

– Я знаю, – так же тихо ответила Светлячок. – Но мне... очень надо.

Посредница взгляделась попристальнойей. М-да... тяжелый случай. Весь ее многолетний опыт подсказывал ей, что не жадность двигала устами девушки, а беда. И что тут делать прикажете?

– Понимаю, – кивнула посредница. – Но и ты пойми – здесь, в столице, на всякую работу своя цена. Больше ты разве что в веселом доме получишь.

Светлячок крепко-крепко зажмурилась.

Открыла глаза.

– Согласна, – с прежней тихой твердостью произнесла она.

– погоди, девочка, – растерялась Кан, – я ведь только к слову сказала, не на самом же деле...

– А я – на самом, – ответила Светлячок. – Выхода у меня нет. Мне меньше, чем семнадцать монет в месяц – никак.

Кан нахмурилась.

– Постой, – осторожно начала она, – ты ведь понимаешь, что в веселом доме...

– А ты – понимаешь? – раздалось от дверей.

Вошедшая в комнату женщина была примерно одних лет с Посредницей – то есть хорошо за пятьдесят – и даже чем-то на нее слегка похожа. Вот только Посредница пребывала в растерянности, хоть и старалась это скрыть – а эта женщина пребывала в гневе и ничуть его не прятала.

– Она-то ни на щепоть не понимает – а ты? Куда ей в веселый дом? Не из той глины чашка замешана, не для этого варева слеплена! Сама ведь видишь – и не говори, что нет! Цыпленок цыпленком. Ее там с потрохами сожрут и косточек не выплюнут! Пару лет протянет от силы, да и того много! Богов побойся!

– Ну, не скажи, характер у девочки есть, – возразила Кан.

– Значит, за год сожрут, – уверенно заключила гостья. – Ты же не первый день в своем деле, и знаешь, кто на что годится. Не место ей там, Кан. Ты что, в самом деле хочешь ее туда отправить?

– Не хочу, – ответила Кан. – Совсем.

– И я не хочу, – вздохнула Светлячок. – А придется. Я там получу семнадцать монет?

– И двадцать получишь, – произнесла Кан. – Но ты туда не пойдешь. Кошка права. Такого я на душу не возьму.

– Пожалуйста, – тихо промолвила Светлячок.

И настолько безнадежная решимость звучала в ее голосе, что посредница отвела глаза.

– Да на что тебе? Младшей сестренке на приданое?

Светлячок помотала головой.

– Старшему брату на лечение... и учение.

Хозяйка и гостья переглянулись. И явно пришли к согласию. Вот только что это было за согласие, Светлячок не знала.

– Так, – помолчав, строго сказала Кан. – Садись, девочка.

И рассказывай.

– Что у тебя стряслось? – спросила Кошка. И вроде бы тоже строго спросила – но Светлячок вдруг поняла, что этим двум женщинам она может рассказать все, и они ее поймут. Было в этой их строгости какое-то участие. Не слезливая жалость, которая поахнет и через минуту забудет, а что-то надежное.

– Брата в грозу деревом упавшим придавило, – сказала девушка. – Родителей тоже задело, но не так чтобы сильно, их я легко вытащила. А вот брата – едва-едва.

Кан кивнула. Вытаскивать людей из-под упавшего дерева – не самое женское занятие. Но Посредница не сомневалась, что Светлячок смогла это сделать.

– Лекаря позвали, конечно. Родителям он помог, а вот брату – не слишком. Все ждали, что и ему полегчает, а ему хуже и хуже. Тогда уже и врача позвали, что поделать... поздно позвали.

На сей раз кивнула Кошка. Ну да, услуги врача хоть ненамного, а все-таки дороже лекарских. Разве редко бывает, что люди – кто по бедности, а кто и по скупости – обращались только к лекарю, хотя хворь была серьезной? И много ли может сделать врач, если позвали его, когда уже все сроки минули? Целительская магия может все-таки не все...

– Как он нас ругал... говорил, что если бы сразу позвали, так он бы все вылечил. Но мы ведь не думали даже, что так... никто у нас в семье сроду не болел всерьез, вот и в

голову не пришло... а получилось, что упустили время. Еще бы немного, и брат бы вовсе не встал.

Кошка и Талисман вновь переглянулись. Даже и в богатом доме остаться на всю жизнь парализченным – судьба, мягко говоря, незавидная. А в крестьянской семье?

– Все-таки на ноги его врач поставил. А только одно плечо выше другого так и осталось. И горб. И тяжелей ложки ничего поднимать нельзя. Хотя что за разница – так и так правая рука сохнет. И лучше она уже не будет. Поздно мы спохватились.

Обе женщины молчали. Они были уверены, что история на этом еще не закончена.

– Ему еще надо лечиться. Чтобы хуже не сделалось. Еще шесть раз. Врач сказал, что лечить он будет сейчас, а деньги можно со временем отдать, частями. Так ведь отдавать-то надо. А потом брату как жить, если все едино он в доме не работник? Родители ведь тоже не молодеют. А кисть – не мотыга, ею и одной рукой можно управиться. Не страшно, что левой – приловчится понемногу. Грамоте выучится, писцом пристроится куда – все заработок. Ну так ученье, оно тоже не даром.

– Грамоте выучиться... – задумчиво произнесла Кошка. – Он у тебя хоть немного читать умеет? По-простому хотя бы? Светлячок вздохнула.

– Нисколько, – ответила она. – Ни по-простому, ни по-настоящему. Недосуг было учиться. А теперь надо, и быстро.

Кан только головой покачала. Нет, в том, что брату этой девочки тоже силы духа не занимать, сомнений быть не может. Не оплакивать свое калечество, а перевернуть всю прежнюю жизнь и на ее руинах выстроить новую... он сумеет. У него хватит воли – как хватает у его сестры. Но, как говорится, из одной решимости дом не построишь, нужны и кирпичи. Мужества у парня наверняка достанет – а денег? Сколько денег возьмет учитель, чтобы натаскать деревенщину, в жизни своей не только не написавшего, но и не прочитавшего ни одного знака?

– Если врачу в рассрочку отдавать и за учење платить, меньше семнадцати монет никак не выходит. И то если жить впроголодь.

– Если надорваться, – поправила Кошка. – Учиться, не разгибаясь, есть не досыта, да еще здоровье слабое... надорвется без пути, и только.

– Тогда у меня совсем другого выхода нет. Если двадцать монет дадут...

– Даже и не думай! – отрезала Кошка. – Сгинешь впустую. Талисман, ты что молчишь?

– Думаю, – ответила Кан. – Можно бы и на другой службе двадцать взять – если в руках есть мастерство какое...

Мастерство?

Светлячок поняла, что ее дело вовсе пропащее. Будь она не деревенской девчонкой, а уроженкой столицы, да хоть с какой-никакой выучкой, было бы о чем говорить. А она – ни-

кто. Каким ремеслом она может похвалиться? Что она такого умеет, чего не умеют десятки и сотни других? Да – сильная, да – работающая... а дальше-то что? Да таких сильных и работающих кругом – по девять на восьмерку! А уж в столице... в столице таких связками можно наваливать, как солому. А соломе в хоромах делать нечего. Соломина цветку не чета. А она уже на здешние цветы нагляделась. Куда ей до них! Вот хотя бы этих двух женщин взять. Сразу видно, что не простого полета птицы. Никогда Светлячок в своей деревне не видела, чтобы кто-то двигался так, как Кошка. Ведь за пятьдесят уже – а в том, как она ходит, как садится, нет ничего грузного, тяжелого. Светлячок хорошенькая, ей не раз говорили – но она и в подметки не годится этой женщине с ее неброской красотой привычно точных движений. Точных – и легких. Словно водомерка по воде скользит. Боги ведают, что у нее за мастерство – но простым мытьем полов и стиркой белья такой походки не наживешь, это точно. И Посредница Кан – ну, она другая совсем, и мастерство у нее не всякому с руки. И держится она, как королева с повадками доброй бабушки. С ходу и не скажешь, чего в ней больше – бабушки или королевы. Долгую надо жизнь прожить в своем ремесле, чтобы оно наложило настолько явственный отпечаток на человека. А Светлячок с ее деревенскими хватками даже если и пообтешется со временем, никогда такой не будет. Ведь она никакому мастерству не обучена.

– Мастерство, говоришь? – почти хищно произнесла Кош-

ка. – А ну-ка, девочка, вставай... вставай-вставай... поди сюда.

Светлячок послушно подошла.

Кошка и Талисман принялись разглядывать ее платье – так пристально, словно взглядами раздергивали его по нитке. Светлячок прикусила губу от неловкости. Конечно, никакого сравнения со столичными нарядами ее одежда не выдерживает, смешно было бы и думать иначе – но все же это ее лучшее платье!

Обе женщины переглянулись – и Кан медленно кивнула.

– Платье сама вышивала? – осведомилась Кошка.

– И шила сама, и вышивала сама, – удивленно ответила Светлячок: неужели в столице кто-то думает, что по деревням вышивальщиц нанимают? Кто бы деньги стал тратить на такое баловство! Сами вышивают, кто во что горазд.

– Поближе покажи, – изрекла Кошка и вновь впилась взглядом в расшитый полевыми цветами рукав.

– Я думаю так же, – произнесла Посредница. – Конечно, о столичных модах понятия никакого, но рука точная, глаз верный и вкус есть.

– Моды – дело наживное, – отрезала Кошка. – Этого добра она живо нахватается. Если захочет, конечно.

Светлячок затаила дыхание. Разве она может не захотеть?

– Слушай внимательно, девочка, – веско сказала Кошка. – Меня зовут Син Белая Кошка, и я старшая над служанками в доме Государева наставника Тайэ.

Светлячок еще не знала, кто из себя Государев Наставник, но ясно же, что большой человек. Неужели...

– Я имею право нанять тебя по своей воле. Пойдешь в дом ученицей швеи и вышивальщицы. Двадцать шесть монет в месяц. Выучишься – тридцать.

У Светлячка кровь от лица отхлынула и ноги враз ослабели, словно она внезапно очутилась на краю обрыва. Тридцать монет в месяц. Да она и мечтать не смела о таком богатстве!

Кошка смотрела на нее очень внимательно.

– А если челядинкой пойдешь, то сорок, – добавила она, помолчав. – Договор сроком на три года. И жалование за год дополнительно сразу на руки.

Не всякому стоит делать такое предложение – иной раз в ответ можно и схлопотать, причем отнюдь не пряников. Даже в отчаянном положении не любой согласится. Хотя и плата челядинцам идет больше, чем обычным слугам.

Когда-то челядью были только рабы. Но рабство отменили королевским указом лет уже полтора ста с лишним. Теперь челядинцами были так называемые ятоу – зависимые. Нет, не рабы – но все же...

Зависимые не имели права владеть имуществом. Никаким. Даже их жалование до истечения срока договора лежало на сохранении у владельца либо передавалось родне ятоу.

Зависимые не имели права заключать сделки.

Зависимые не имели права расторгать договор, как обычные слуги.

Зависимые не имели права вступать в брак без дозволения хозяина.

А главное – зависимые не имели право на фамилию. Даже изгнанные из своего рода и не принятые в другой могли взять в храме временную фамилию. Но не ятоу. А значит, на время действия договора они были полностью лишены магической защиты. Ни духи рода, ни храмовые обереги не прикрывали их от беды.

Обычно на предложение продать себя в челядинцы люди отвечали отказом, не колеблясь.

Светлячок тоже не колебалась.

Нельзя владеть имуществом? А какое имущество ей нужно? Сыта, одета, крыша над головой есть – чего ей еще желать?

Нельзя заключать сделки? Так она и не собирается.

Нельзя самой расторгнуть договор? А зачем? Конечно, есть такие дома, что там три года за тридцать покажутся – но не стала бы Посредница Кан ее в подобный дом отпускать... и Кошка уж точно не такая!

Нельзя замуж? Ну и пускай. Нет у нее никого на примете. И не до женихов ей.

Нельзя носить фамилию? Защиту потерять? А кто защитил ее семью, когда то дерево свалилось? Кто защитил ее брата? Какие боги и духи? Где они были – спали, в кости играли, вино пили? Ну, вот пусть и дальше гуляют, где гуляли. А она и без них обойдется. Даже не так – она за них поста-

рается. Раз уж они не уберегли брата от увечья – дальше она будет беречь его сама.

– Пойду, – сказала она и улыбнулась. – Спасибо вам.

И отдала два поклона – Посреднице Кан и Син Белой Кошке.

– Ну вот, – деланно вздохнула Син, – сходила, называется, к подруге чайку попить. И кто бы мне сказал, как это так повернулось...

– Сходила, называется, к подруге чайку попить, – посмеивалась старуха Син. – И кто бы мне сказал, как это так повернулось, что я вместо чаепития госпожу себе купила?

– За сорок серебряных монет в месяц, – поддержала ее Дама Тайэ.

– Ну, это ты продешевила, – вздохнула Син, картинно разведя руками. – Так ведь кто же знать мог...

Шан понял, что это их старая, излюбленная шутка – из тех, что не тускнеют со временем от повторения. И не потому, что они так уж непременно хороши – а потому, что согреты сердечным теплом.

А оно есть, никуда оно за десять лет не подевалось, не расточилось в пустоту. Ведь не осталась Белая Кошка старшей над служанками в столичном доме – с Дамой Тайэ в Далэ уехала. За девочкой своей присматривать. Или это госпожа взяла ее с собой, чтобы о ней заботиться? Скорее всего, и то, и другое.

Редкое дело, если подумать. Куда обычнее, если такая вот старшая служанка начала бы нос драть кверху выше потолка. А уж госпожа, вознесясь из челядинок на немыслимую высоту, постарался бы избавиться от той, кто помнит ее деревенской девчонкой, для которой двадцать шесть монет в месяц – шальная удача, а сорок – так и вовсе богатство. Но став госпожой, Дама Тайэ не сделалась неблагодарной.

– А Посреднице Кан вы что подарили? – сорвалось у него с языка даже прежде, чем он успел подумать.

Взгляд Дамы Тайэ ответил таким теплом, что Шан понял: угадал! Талисман не осталась без награды за свою помощь.

– Много разного... и платье, мною вышитое.

Шан на какой-то миг речи лишился. Если посреднице, пусть и столичной, пусть и лучшей в своем деле, не кто-нибудь, а жена Государева Наставника собственноручно платье вышивала – это... это ж... оййй... вот оййй – и все тут...

– Большой почет... – с трудом выговорил он, еле ворочая языком.

– Ну, не только почет, – напористо возразила Син, – еще и красота. Госпожа моя – лучшая вышивальщица столицы.

Шан припомнил вышивку «зимняя листва» на одежде Сокола Тайэ и подумал, что, может, Син и преувеличивает – но разве самую малость. Если и вовсе.

– Не сразу, конечно, вышила, – улыбнулась воспоминанию Дама Тайэ. – Но выучилась я быстро. Дело ведь нетрудное. Игла – не мотыга, вышивать – не камни ворочать...

А ведь приходилось. И мотыгой орудовать, и камни с поля таскать, и скотину обрывать, и... да мало ли что приходится делать, когда пашней живешь...

– Тоже труд, кто бы спорил, но с прежним сравнения никакого. Такая легкая жизнь – словно я на восьмое небо попала. И другие швеи и вышивальщицы такие хорошие – все показывали мне, подсказывали, помогали. Никто не обижал, деревенщиной не честил...

Шан в который уже раз попытался представить себе эту изысканную красавицу деревенской девчонкой с косичками «крендельком». Получалось... не очень-то и получалось, если честно. А вернее сказать, никак.

– Ну, еще бы тебя кто обижать попробовал! – возмущенно фыркнула Син.

Что верно, то верно. Когда над служанками такая старшая, обижать или задирать кого – себе дороже.

– Сначала я что попроще делала. Накидки для вестовых с родовым знаком хотя бы. Мерки все загодя известны, вышивка по образцу. Сама не замечала, как время летит. С полгода, наверное, прошло. А потом получаю я весточку от брата. И даже не простыми знаками, а уставными, настоящими. А я ведь и по-простому читать не умела. А уставное письмо и другие вышивальщицы прочесть не могли. Ясно, что брат хорошо в ученье продвинулся, раз уставным письмом пишет, но и только. А кого попросить мне послание прочитать, скоро и не придумаешь.

Шан затаил дыхание. Он еще не знал, не мог знать, о чем сейчас расскажет Дама Тайэ – но в то же самое время и знал. Угадывал? Предчувствовал?

– Вышивальщицы отдельно жили, в своем крыле. Значит, идти надо к господским покоям. Только не к спальным, а туда, где с бумагами работают. Там-то я грамотного человека быстро найду. Только искать надо не вертихвоста молодого, а кого постарше. Молодой, может, грамоте и не особо обучен, а – так, на побегушках быть приставлен. А если на возраст человек, да одет солидно и неброско, так этот наверняка читать-писать умеет. Ну, и женат, если в годах, так что за мной ухлестывать не станет.

Вот теперь Шан вполне мог себе представить деревенскую девочку. Облик соткался сам собой из ее тогдашних наивных рассуждений.

– Вот я и стала приглядываться... – тихо сказала Дама Тайэ. – И выбрала...

Значит, вот как это произошло? Да?

– Я ведь раньше в господских покоях никогда не бывала, господина в глаза не видела. И знать не знала, что он пышности не любит. Ко двору одевается, как положено, со всеми прикрасами, а в остальное время – как попроще. Смотрю, платье шелковое, значит, положение в доме немаленькое – но сам наряд простой. Обыкновенный ань цвета корицы, без узоров даже. И возраст подходящий. Доверенный писец, наверное, а может, даже секретарь. Вот я и подошла к нему со

своим письмом.

Положение презабавное, если вдуматься. Однако Шан не позволил себе и намека на улыбку.

– Он, конечно, сразу понял, что я и понятия не имею, с кем говорю. Но вида не показал. И письмо мне прочитал.

А вот Дама Тайэ улыбалась. И в улыбке ее было столько печальной нежности, что Шан поневоле опустил взгляд. Не ему предназначалась эта нежность, а минувшим дням – не ему и глазеть.

– Брат писал, что переехал вместе с родителями в Гоу.

Однако! Парень точно на мелочи не разменивался. Гоу, маленький городок в трех днях пешего пути от столицы, был на особой славе. Большую часть его населения составляли учителя – лучшие во всем королевстве – и ученики. Поговаривали в шутку, что в колодцах там плещется не вода, а разведенная тушь – зачерпни хоть ведро, да и пиши себе. Ну и, разумеется, бамбук в городских садах растет тоже не простой. Это из обычного бамбука делают ручки для кистей – а на тамошнем прямо-таки сразу кисти вырастают, отломил – и за учебу. Чернильный Город, Сад Кистей – вот как его называли. Учиться в Гоу не столько дороже, сколько намного труднее, чем в любом другом месте. Однако если уж ты одолел ученье там, результат будет наилучшим.

– Снял две маленькие комнатки – расточительность, кто бы спорил, но иначе он не смог бы заниматься по ночам, не потревожив родителей. А заниматься приходится много.

Трудно все-таки учиться с чистого листа, да еще и писать левой рукой. Но он очень старается, и учитель его даже хвалит. Так что я могу быть спокойна – ни один медяк из моих денег не пропадет даром. Отлынивать от ученья – значит подвести родителей и предать сестру, он никогда себе такого не вздумал бы позволить.

Конечно, не вздумал бы. У такой сестры, как Светлячок, может быть только такой брат.

– О родителях писал, что здоровы. Обо мне спрашивал. Просил тому писцу, который мне его послание прочитает, сразу продиктовать ответ. И прощения просил, что пока не может приехать меня проведать, чтобы не отрывать время от учения.

Мягкий, почти незрячий взгляд. Здесь и сейчас Дама Тайэ вряд ли видит хоть что-то. И уж точно не видит она сыщика Шана. Вся она – там и тогда.

– Сокол мне письмо прочел. И сказал, что брат мой и правда учится усердно – почерк хоть и нестройный, но и не корявый, разборчивый, и на все письмо одна ошибка, и та небольшая.

Ого! Чтобы за полгода так продвинуться, надо иметь светлую голову и негибаемую волю. Шан, как мало кто другой, знал истинную цену подобного успеха, знал, какой это адский труд. Он ведь тоже учился с чистого листа – ладно, не взрослым парнем, а почти подростком. Вот как пятнадцати лет в стражу пошел, так и начал. И его успехи были куда

как скромнее. Да, через полгода и он мог написать почти без ошибок коротенькую весточку уставными знаками, особенно если использовать письмовник с образцами. Но для такого послания образца не найти.

– Он меня спросил, отчего брат так поздно начал учиться. Я ему и рассказала все, как есть.

Вот тогда все и сладилось, понял Шан. Именно тогда. Хорошеньких лиц Сокол на своем веку наверняка повидал немало. Но разве мог он равнять с ними такую сестру такого брата?

– Он сказал, что напишет мне ответное письмо, но хорошо бы мне и самой поучиться грамоте: все-таки письма от родных не для посторонних глаз.

И снова улыбка – ясная и беззащитная.

– Он для меня всякие стишки придумывал забавные, шутки разные про знаки. Чтобы запоминалось легче и с пониманием. Сама я запоминала их, как узоры. Я ведь вышивальщица. А с этими стишками и прибаутками все вместе увязывалось. Это было так весело. Веселей, чем на гулянье. Мы тогда столько смеялись. Он меня стихи слагать учил.

Короткое молчание. Дама Тайэ – именно Дама Тайэ, а не Светлячок – на миг вернулась из прошлого. Хотя бы отчасти.

– Знаете, я потом много читала разных поэм и романов о любви. Небесная красавица и талантливый юноша. Обязательно из хороших семей. Даже если обедневших – все очень благовоспитанно. Разумеется, никакой житейской

прозы. Обмен тайными посланиями непременно на шелковых платочках. Свидание украдкой – в роскошно разубранных покоях. Или в цветущем саду. Лунный свет, пение птиц. Все очень романтично. – Дама Тайэ улыбнулась. – Эти милые люди ничего не понимают в романтике. Знали бы они, как романтичны свидания челядинки-вышивальщицы и не первой молодости домашнего писца... или того, кого челядинка считает писцом.

Получается, Наставник Тайэ не сказал, кто он такой? Хотя... наверное, не мог. По крайней мере, поначалу точно не мог. И не только потому, что спугнул бы девушку. Пожалуй, он ничуть не меньше нее наслаждался этими свиданиями. Тем, что его любят – именно его, а не почти всевластного Государева Наставника.

– Я тогда как на крыльях летала. Мы с ним сговорились пожениться. А я ведь челядинка – дозволит ли господин? Он меня успокаивает – дозволит, как не дозволить. А потом Кошка мне принесла новую работу. Раскроить шелк по готовой мерке и вышить свадебным узором. У меня тогда все ладилось. Счастливый человек быстро работает. Я с этим рядом легко управилась. Кошка мне и говорит: идем, мол, вверх, сама работу отдавать будешь. И ведет меня в господские покои. А мне страшно. Вхожу – и вижу его. Тогда я и поняла. А он говорит: «Там, откуда я родом, невеста сама вышивает жениху свадебное платье. Примета такая. Чтобы жизнь была счастливая. Ты ведь пойдешь за меня замуж?»

И снова из глубины глаз Дамы Тайэ смотрит Светлячок. Такая, как в те давние дни. Испуганная, удивленная, счастливая.

– Скандал, конечно, поначалу был ужасный. Одно дело – взять простолюдинку наложницей. И совсем другое – челядинку женой.

Можно себе представить. Как же тогда языками плескали! Но на Даму Тайэ и капли не упало – в этом Шан был уверен. Зная, что за человек Государев Наставник... да никто бы просто не посмел!

– Первый Взлет был в ужасе. – На губах Дамы Тайэ промелькнуло подобие улыбки – или это Храмовой Собаке показалось? Наверняка ведь показалось. – Он и сейчас, можно сказать, в ужасе... на свой лад.

Десять лет – и все в ужасе? Что-то долгонько выходит...

– На свой лад? – рискнул переспросить Шан.

– Первый Взлет – очень сложный человек, – улыбнулась Дама Тайэ. – С очень простыми убеждениями.

Прозвучало несколько... хм... туманно. Но что-то подсказывало Шану, что более внятного разъяснения он не дождетя. Даже если переспросит еще раз.

Вот и не будем давить. Осторожнее надо, осторожнее...

– А ваш брат? – спросил он. – Хороший из него писец вышел?

Наверняка. С таким-то старанием...

– Писец из него не вышел, – спокойно сообщила Дама

Тайэ.

– Н-нн-нно... как же так? – растерялся Шан.

– Из него вышел Третий Экзаменатор столичной палаты, – с тем же обманчивым спокойствием произнесла Дама Тайэ, и только в глубине ее глаз мерцала улыбка.

Ничего ж себе!

На всю страну экзаменационных палат – восемь и четыре, по числу областей. И отдельно – столичная, самая главная. В каждой палате – восемь экзаменаторов. Вот и посчитайте, много ли их всего. Чтобы стать одним из них, и то нужно блистательное образование. А чтобы попасть в столичную палату, да еще и третьим из восьми, этого мало – нужен не менее блистательный талант. А чтобы добиться такого годам к тридцати – навряд ли брат сильно старше Светлячка – мало и этого. Нужен невероятный, каторжный труд. Даже для тех, кого самолучшие учителя пестовали с малых лет, кому грамоту преподносили, как говорится, на нефритовом подносике и вкладывали в ротик золотой ложкой – только учись, детка! – труд почти непосильный. А уж для вчерашнего крестьянина годков этак под двадцать...

Как же должен был учиться этот парень!

Кто-то, а Храмовая Собака знал, что такое учиться сверх сил. Днем свою смену в страже отшагал, пару часов поспал – и за книги да за кисти. Ночами, бывало, так в сон клонит – хоть за волосы себя привязывай, чтобы мордой в тушечницу не рухнуть. На свечи денег недостает? Ну так зимой лун-

ная ночь от снега светла, а летняя темнота коротка. Опять же можно летом светляков наловить – всяко лучше дешевых свеч, в которых к вощанке пес знает что подмешано. Шан отлично помнил первое переписанное им без ошибок стихотворение – как и другие выходцы из низов, рвущиеся к учебе, он твердил его наизусть, чтобы воля не слабела:

*Трещит, чадит огонь свечи,
И в нем дрожит строка —
Мне книгу осветит в ночи
Сиянье светлячка...*

За первым четверостишием память услужливо вела второе, третье... но Шану не было до них дела. Потому что он понял.

– Скажите, – дрогнувшим голосом спросил он, – Лао Левша... который поэт...

– Верно, – ничуть не удивилась Дама Тайэ. – Это мой брат. Лао Левша.

Третий Экзаменатор столичной палаты.

Не диво, что сестра им так гордится – есть чем, право. Но еще до того, как сделаться важным должностным лицом, крестьянский парень-калека стал поэтом. Его стихами зачитывались, их ждали, переписывали друг у друга, заучивали – и кто бы мог подумать, что любимые всеми строки сложил тот, кто грамотен с позавчера! Сестра заслуженно гордится таким братом – но и брат гордится сестрой. Только

сейчас Шан понял без тени сомнения давно знакомые ему стихи. Вовсе не светлячка поминал в них Левша, не насекомое, своим фонариком озарившего ночную тьму над письменным столом! Сестра, продавшая себя в челядинки, чтобы он мог учиться – вот кто осветил ему книгу! Вот это о ком... о чем...

Комок в горле мешал не то, что говорить – вздохнуть.

– Он сразу начал сочинять стихи, едва ли не раньше, чем полностью уставное письмо выучил. Когда он свой первый экзамен сдавать собирался, мне и слова не сказал – только когда уже сдал, пришел. И мы праздновали... так они с Соколом всю ночь до утра стихи сочиняли. – Улыбка Дамы Тайэ была полна бесконечной нежности. – И на заданную тему, и на заданные рифмы, и просто так – по-всякому, а потом мне читали по очереди, чтобы я не знала, где – чье, а угадывала...

Родное, памятное, потаенное – и безмерно дорогое. То, что предназначено только для самых-самых близких.

– Сейчас-то его стихи все знают. Они его, можно сказать, и сосватали. Не всем девушкам нужен стройный стан или крепкое тело. Некоторым ума и таланта довольно. Родители рады были без памяти. Они с ним живут, в невестке души не чают...

– Зачем вы мне все это рассказываете? – очень тихо спросил Шан.

Едва вопрос сорвался с его губ, едва отзвучал, как Шан и сам понял ответ. Собственно, мог бы и раньше сообразить.

Когда случается несчастье, люди нередко ищут прибежище в прошлом – и им все равно, кто перед ними, с кем они говорят. Он не сразу догадался – потому что Даме Тайэ было не все равно, и в прошлом она не пряталась. О нет! Она его вызывала могучим усилением сердца. Радость и боль, нежность и печаль, улыбка и грусть, любовь и память – все это было лишь нитями, которые она свивала в единый канат воли, и этим канатом она тащила прошлое в день сегодняшний, тянула его из темной воды времени – точь-в-точь как рыбак тянет и вываживает огромную хитрую щуку. Дама Тайэ не уходила в минувшее счастье – она призывала его встать на страже настоящего непобедимым оберегом. Защитить мужа, заслонить от смерти, вернуть с грани. Говорить о прошлом – говорить, говорить! И не с кем попало. Тут не любой собеседник годится. Свидетель былого не годится – он сам был там и тогда, он видел все это, он знает, он тоже – часть этого прошлого. Недаром Кошка сидит молча – она и сама из тех счастливых дней. Нет, чтобы закрепить канат на причальной бухте, ею должен стать посторонний. Закрепить, захлестнуть, стянуть нерасторжимым узлом – и прошлому будет просто некуда деться!

Шан и есть этот посторонний.

– Даме Тайэ, может, и незачем рассказывать все это сыщику из управы, – негромко отозвалась она. – А деревенской девчонке по прозвищу Светлячок с кем и поделиться, как не с уличным мальчишкой.

– Что – так заметно? – стараясь не выказывать огорчения, спросил Шан.

И ведь сколько он себя школил, стараясь избавиться от прежней неотесанности, от дурных манер и уличных ухваток – а все, выходит, даром. Старайся, не старайся, а оно все едино себя объявит...

Дама Тайэ покачала головой.

– Вовсе нет. Просто где еще можно заполучить такое прозвание?

Это верно. Люди знатные заковыристее Суслика, пожалуй, не исхитрятся. До Храмовой Собаки им дальше, чем от Храма Зари до самой зари небесной. Это Дама Тайэ правильно подметила.

Только сейчас Шану пришло в голову, насколько она наблюдательна. И – умна. И если сейчас она перед ним просто-напросто разыгрывала любящую жену, понять этого он не сможет.

Не его уровень.

Но это не значит, что он должен закончить расспросы. К тому же усталый человек рано или поздно проговорится невольно... хотя Шану очень не хотелось бы, чтобы это случилось. Что-то в нем не только верило Светлячку, но и хотело верить.

А для сыщика это непозволительно.

Одним словом, работа продолжается...

Ночной привратник Ман получил прозвание Зеркало Небес наверняка за свою исключительную плешь. Как ни странно, она придавала ему вид довольно-таки молодежавый. Лысая голова, гладко выбритое лицо – только и седины, что в густых бровях. Но это не беда, если глаза под ними смотрят цепко и молодо.

Впрочем, невзирая на внешнюю молодежавость, делом привратник занимался самым что ни на есть стариковским – ругал современную молодежь. Правда, ругал он ее, надо признать, несколько своеобразно. Хотя понял это Тье не сразу.

– Остолопы, все до единого. Ну... ладно, почти все. Остолопы и разгильдяи, – веско и солидно говорил старикан. – Хотя вы вроде не из таковских.

Премного благодарен. Интересно, хорошо это или плохо?

– Еще чайку не хотите ли, господин сыщик? Да с пирожком?

Тье не хотел. Выпитый чай плескался у него где-то на уровне ушей, голову наклонить, и то страшно – а вдруг выльется? Что же до пирожков, то на первом съеденном за нынешнюю ночь пирожке Тье, похоже, уже сидел.

Но ради пользы следствия пойдешь и не на такие жертвы.

– Благодарствую, – произнес Тье и отхлебнул немного чая.

– Остолопы, – продолжал старик Ман, потягивая горячий напиток.

Если Тье не сбился в подсчетах, это была уже третья подряд кружка.

– И разгильдяи, – неумолимо повторил Ман. – Вот сами подумайте – сопляки сопляками, а туда же, берут и женятся, детей заводят – а что они смыслят? Еще ладно, если дите хотя бы присмотрено – а все равно толку никакого. Ложку в рот вовремя сунуть, шарфик теплый на шею в холодный день намотать – вот и вся забота. Это что, воспитание, я вас спрашиваю?

Похоже, с привратником Тье крупно нарвался. Его великолепная система дала сбой. Нет, не потому, что Ман отмалчивался. Вовсе даже наоборот. Он хотел, он прямо-таки жаждал поговорить. Вот только говорил он сплошь о вечных проблемах – вроде того же воспитания детей – и хоть как-то перехватить инициативу и направить беседу в нужное для Тье русло не представлялось возможным.

Нет, ну а что тут такого? Сидит старикан в своей сторожке один-одинешенек, словом перемолвиться не с кем. Поспать, и того нельзя. А и было бы можно – так ведь бессонница одолевает, потому и назначен он именно ночным привратником. И так ночь за ночью. Тишина и одиночество. Поневоле начнут раздумья одолевать. И ведь шут его знает, до чего этак додумаешься. А поделиться размышлениями не с кем. А тут такое счастье подвалило – пара свободных ушей! Есть с кем чай гонять, есть кому душу излить... и пока не изольет, не видать Тье полезных сведений, как своего затылка.

Тье старательно удержал сокрушенный вздох и снова сделал глоток чаю. Совсем крохотный.

– Не знаю, – ответил он. – Я ведь покуда не женат, и детей у меня нет.

– Вот! – возликовал старик. – Я ведь сразу понял – вы не из таковских! Вот вы мне и скажите – вы когда надумали в сыщики податься?

Ну и кто тут кого допрашивает, интересно бы знать?

– Всегда хотел, – честно ответил Тье. – Сколько себя помню. Отец у меня тоже сыщик... точнее сказать, это я – тоже, а он большой мастер.

– Умный человек ваш отец, – степенно произнес старик. – Правильный.

– Оно конечно, спасибо на добром слове...

– А при чем тут доброе слово? Оно не доброе. Оно верное. Потому как ваш отец – не чета нынешним свиристелкам. Он своего сына воспитал правильно. Увидел, в чем ваша судьба. В чем ваш дар. Верно ведь я говорю?

– Конечно, – невольно улыбнулся Тье. – Плохой бы он был сыщик, если бы такого явного дела не заметил.

– Не сыщик, – непримиримо отрезал старик. – Не сыщик – отец бы он был плохой. Никудышный. А теперь ведь оно так и ведется. К чему у дитяти способности, к какому делу его тянет... скажете, они хоть об этом думают? Да они вообще не думают, вот что я вам скажу! Они и себя-то не знают, где им своих детей знать. Доживут до седых волос, а чем на самом деле дышат, чего хотят, и понятия в голове нету. Это еще сильно повезет, если за какое дело взялись, а оно им по душе

и по силам. А если нет – так и тянут ляжку. А толку много ли?

– Не сказал бы, – задумчиво ответил Тье.

Нет, что ни говори, а своя логика в речениях привратника есть. Занятный старикан. Стоит послушать. И не потому, что он скажет что-то полезное для следствия. Тье отказался от этой мысли два глотка чая тому назад. В конце концов, почему бы и не дать одинокому старику выговориться?

– Вот то-то же, – наставительно буркнул Ман. – Мало толку. Сами так живут, а потом и детей своих на тот же лад калечат. Одним и вообще без разницы – растет ребенок, так и пусть себе растет, что еще нужно. Трава придорожная, иначе и не называть. Другой опять же головой не думает – вот я, к примеру, столяр, так и сыну моему быть столяром, и все тут. А что у парня под работу с деревом руки не заточены – так и какая разница, я вот тоже невеликий умелец, да и дерево это терпеть ненавижу, а ведь кормлюсь как-то. Значит, и чадо мое прокормится. Что, скажете, не бывает такого?

– Бывает, – признал Тье.

– Бывает, – кивнул Ман, убогаторенный согласием собеседника. – Сплошь и рядом бывает. А то еще такой вот отец в амбиции вдарится – мол, я простой слесарь, а сынка в министры выведу. Вот хоть об стенку расшибусь, а выведу. А что у сынка способностей разве что двор мести, так это ничего.

– И такое бывает, – невольно улыбнулся Тье.

– Вот! – назидательно поднял палец старик. – Я же вот и говорю, вы не из таковских! И отец у вас правильный. Сам жизнь понимает, и вас с понятием воспитал.

К сердцу прихлынула непрощенная тоска. Тье не видел отца два года – а когда увидел, даже толком поговорить не удалось...

– Вы когда женитесь, с него пример берите, тогда и дети ваши тоже с понятием будут. А то что же это творится! Эти нынешние – разве ж они что понимают? Женятся совсем еще сопляками почему зря, а потом детей своих приструнить не могут. Одни сплошные безобразия. А почему, спрашивается? А все потому, что сами своего пути не знают, а дети – и подавно. А если без пути болтаться, ничего и не будет, кроме безобразий. Да вот хоть нашу стряпуху взять...

– Яблоко? – удивился Тье. – Так она вроде не такая...

– Да нет, не Яблоко, – отмахнулся старик. – Другую. Яблоко, и точно, не таковская, это вы верно говорите. Есть у вас понятие, есть. Нет, я про другую. Как там бишь ее... Шафран вроде? Да, Шафран.

Это имя Тье помнил. Яблоко его называла. Еще говорила, что с мальчишкой ее раньше сладу не было, а сейчас за ум взялся, так что Шафран на сына просто не нарадуется.

– Вот ведь дура душой. Сынишку распустила так, что хоть на крышу полезай да голоси, авось кто из богов да услышит. А после спохватилась. Вбила себе в глупую голову, что ему в рисовальщики надо пойти, работа не пыльная, и деньги они

зашибают хорошую.

– Ну, это уж и вовсе ерунда!

– Вестимо, что ерунда. И работа не такая уж легкая, да и не бывает легких работ. И заработок не вровень – кому полный кошель насыплют, а кто из пустой чашки хлебает. А главное дело, руки у парня совсем не под это ремесло. Нет в них к этому мастерству понятия. Он если квадрат рисовать возьмется, то непременно с тремя углами получится. Ну, или и вовсе круглый.

Тье фыркнул прямо в чашку.

– Отец его тоже хорош. Решил, что раз он конюх, так и сыну конюхом быть. А какой из него конюх, если ему и дохлую мышь не доверишь, не то, что лошадку! А что получилось? Не мальчишка, а головная боль ходячая. И ладно бы только по домашности проказил, так ведь нет. Как утро, так он в побег. Повадился по рынкам шляться. Да не просто так, а туда, где играют. На деньги играют.

М-да, а вот это уже и в самом деле серьезно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.